П. Ф. АБЛАМОНОВ

АДМИРАЛ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Рассказ о дважды Герое Советского Союза, Адмирале Флота Советского Союза С. Г. Горшкове основан на документах, воспоминаниях его соратников. События Великой Отечественной войны, строительство современного океанского флота, дальние походы, спасательные экспедиции советских моряков, романтика и традиции в морской службе — об этом и о других событиях повествуется в книге журналиста П. Ф. Абламонова, рассчитанной на массового читателя.

- Абламонов Петр Федорович
- Память
- В огне боев
- В большом океанском плавании

Абламонов Петр Федорович Адмирал: О дважды Герое Советского Союза С. Г. Горшкове

Память

1

События августа 1942 года спрессовались в памяти Сергея Георгиевича Горшкова напряженной чередой острых вопросов, сложных заданий, непростых, ответственнейших решений.

То был период тяжелых и героических боев наших войск с наседавшим на разных участках огромного советско-германского фронта врагом. Гитлеровское командование осуществляло второе «генеральное» наступление, нацелив свои войска на важнейшие экономические районы юга страны.

К тому времени на его долю, долю командующего Азовской военной флотилией, выпало уже немало, однако обстановка августовских дней 1942 года окрашена в памяти особо.

Август начался для него, как, вероятно, и для каждого, кто находился в ту пору на фронте, под знаком одного из чрезвычайно важных документов войны — приказа наркома обороны № 227, известного как приказ «Ни шагу назад!». Пожалуй, за истекший год войны еще не было документа, в котором бы так откровенно раскрывалось положение страны, обстановка на фронтах, так жестко и четко ставились неотложные задачи войскам: «Враг бросает на фронт все новые силы… Оккупанты рвутся к Сталинграду, к Волге и хотят любой ценой захватить Кубань, Северный Кавказ с их нефтяными и хлебными богатствами… Выдержать их удар сейчас, в ближайшие несколько месяцев — это значит обеспечить за нами победу…»

Тяжкими были те несколько месяцев.

Обстановка требовала экстренных мер. Одной из действенных было повышение стойкости советских воинов перед лицом смертельной опасности, грозящей всей стране. Ставка Верховного Главнокомандования изыскивала возможности подкрепить усилия наших войск, сдерживавших врага. На Северном Кавказе решено было объединить усилия всех находившихся там войск, укрепить его оборону, выделить средства из резерва Ставки.

Азовская военная флотилия явилась одним из первых морских формирований, принявшим непосредственное участие в битве за Кавказ.

В трудных, невыгодных условиях приходилось в те августовские дни спешно укреплять оборону для борьбы с сухопутными силами, наступавшими с востока. Одновременно предпринимались меры для усиления обороны Азовского

побережья, осуществлялись переброска сил, прикрытие приморских флангов.

В те невероятно напряженные дни оборонительных боев особое значение имели организация управления войсками, их вооружение и, конечно, внезапные удары азовцев по врагу.

Не занимать было отваги морякам флотилии — независимо от того, вели ли они бой с борта прославившегося не раз монитора «Железняков», плоскодонного баркаса или на сухопутном рубеже, возведенном чаще всего своими же руками. Выручали огневая закалка, боевой опыт.

Но командующий знал и другое: далеко не последнюю роль в стойкости воинов-моряков играло то обстоятельство, что в первых рядах сражавшихся, в самых горячих точках были коммунисты, бойцы партии, направляемые на особо опасные участки не только опытными командирами, но и политработниками, во главе которых были надежные боевые соратники — военком флотилии полковой комиссар С. С. Прокофьев и начальник политотдела батальонный комиссар В. А. Лизарский.

Моряки флотилии активно помогали сухопутным войскам сдерживать натиск превосходящих сил врага, усиленно вели разведку, строили оборонительные сооружения, ставили у побережья морские мины. Мужественно защищали азовцы свою военно-морскую базу и город Ейск. Горстка морских пехотинцев вместе с артиллеристами и личным составом базы стойко и умело обороняла базу. А когда потребовалось скрыть эвакуацию флотилии в Темрюк, азовцы нанесли такой внезапный удар по врагу, что гитлеровцы даже после отхода наших войск несколько дней не решались возобновить наступление на том направлении.

Как важно было в те дни согласование совместных действий сухопутных войск, авиации и флотилии… Но не менее остро нужна была концентрация сил, мобилизация всех возможностей для организации отпора врагу.

9 августа военные советы Северо-Кавказского фронта и Черноморского флота приняли решение возложить на него, контр-адмирала С. Г. Горшкова, командование объединенными силами Азовской флотилии, Керченской и Новороссийской военно-морских баз.

11 августа он получил приказ принять от 47-й армии сухопутную оборону Таманского полуострова и немедленно занять оборонительные рубежи частями морской пехоты.

12 августа для управления всеми силами, оборонявшими полуостров, С. Г. Горшков приказал развернуть флагманский командный пункт флотилии в селении Су-Псех, близ Анапы, — оттуда было удобнее координировать и согласовывать действия

сил, оборонявших морские и сухопутные рубежи.

Для укрепления обороны и улучшения ее организации командующий, которому были оперативно подчинены Темрюкская, Керченская и Новороссийская военно-морские базы, своими приказами от 11 и 12 августа определил участки обороны полуострова и закрепил их за отдельными частями. Однако создать своими силами глубоко эшелонированную оборону не было возможности.

13 августа начались жестокие неравные бои под Темрюком: 20 тысяч гитлеровцев, оснащенных танками, наседали на 2 батальона морской пехоты и 2 пулеметные роты, поддерживаемые береговой и зенитной артиллерией, несколькими канонерскими лодками и сторожевыми катерами. Несмотря на очевидную тяжесть положения у Темрюка, контр-адмирал знал: защитники Темрюкской военно-морской базы будут удерживать боевой рубеж столько, сколько это будет необходимо для основных сил флотилии, для сил фронта. И здесь действиями азовцев руководили опытнейшие командиры и политработники, под стать им был весь личный состав базы.

Не прекращавшиеся оборонительные бои, дерзкие рейды в тыл врага и по морю, и по суше, эвакуация флотилии из Ейска и защита Темрюка — таков далеко не полный перечень труднейших задач, решавшихся в начале августа.

Между тем положение наших войск на южном фланге продолжало ухудшаться. Бои шли у Пятигорска и Краснодара, все ожесточеннее наступали фашисты в направлении Крымской. Гитлеровское командование рвалось к Новороссийску — крупнейшему порту на Черном море.

2

В планах верховного командования фашистской Германии захвату Кавказа придавалось особое значение. Еще в июле 1941 года в разработке операции под названием «Наступление через Кавказский хребет» в числе трех главных возможностей преодоления Кавказа первой называлась шоссейная дорога, идущая по Черноморскому побережью от Новороссийска до Сухуми. Гитлеровское командование, надеясь обеспечить свое господство на морских коммуникациях, стремилось овладеть этой дорогой, хотя и отмечало, что она «находится в сфере огня русского Черноморского флота».

В знойный августовский полдень контр-адмирал Горшков вышел из машины на том участке этой дороги, с которого

особенно хорошо просматривалась вся Цемесская бухта, портовые причалы, железнодорожный вокзал, раскинувшийся полукругом, живущий уже больше года в напряженном труде и тревоге Новороссийск. Над ним и почти над всей акваторией подковообразной бухты висела дымная гарь. Даже на возвышении, вблизи покрытых мелким, но густым лесом пологих горных склонов явственно ощущалась едкая пыль, настоянная на дымных пожарах.

В небе кружили несколько истребителей, а на берегу, у пристани лесного порта и у морского вокзала, бушевали пожары — следы очередного вражеского налета. Месяц назад здесь затонули под гитлеровскими фугасками вконец израненный лидер эскадренных миноносцев «Ташкент», эсминец «Бдительный», теплоход «Кубань»…

Уже больше месяца вражеские бомбардировки не прекращались ни днем ни ночью, а в последние дни на побережье, в районе задыхающегося в потоке грузов железнодорожного вокзала, стали рваться фашистские снаряды.

Линия фронта приближалась. Германское командование, используя свое значительное преимущество в силах, особенно в авиации и артиллерии, осуществляло наступательную операцию «Эдельвейс» — директиву № 45 от 23 июля 1942 года, важнейшей целью которой было «овладение всем восточным побережьем Черного моря, в результате чего противник лишится черноморских портов и Черноморского флота».

О директиве гитлеровского командования контр-адмирал Горшков, естественно, не знал. Но он был полон решимости принять все меры для того, чтобы остановить врага у стен Новороссийска, выполнить то, что предписывалось Ставкой Верховного Главнокомандования в директиве Военному совету Северо-Кавказского фронта по укреплению Черноморского побережья, усилению обороны Новороссийска. Контр-адмирал по своему собственному опыту твердо знал то, что вскоре ему довелось прочесть в другой директиве Ставки: «…непроходимым является только тот рубеж, который умело подготовлен для обороны и упорно защищается…»

Крайне сложная обстановка диктовала необходимость срочных мер, высказанных контр-адмиралом своим ближайшим помощникам.

17 августа 1942 года Военный совет Азовской флотилии обратился к командующему Черноморским флотом с предложением, в котором говорилось:

«Если Новороссийский оборонительный район не будет создан немедленно с концентрацией всех сил флота и армии,

обороняющих Темрюк и Таманский полуостров, то на обводе Новороссийска возникнет прямая угроза Новороссийску. Кроме того, отсутствие единого твердого командования в Новороссийске не обеспечивает наиболее полного использования всех возможностей для усиления обороны и условий местности… Считаем необходимым:1. Немедленно назначить единого командующего морской и сухопутной обороной Новороссийска с флагманским командным пунктом в Новороссийске.2. Снять полные части флота и подвижную артиллерию с Таманского полуострова и эвакуировать Темрюк, что даст до 2 бригад морской пехоты и до полка полевой артиллерии для обороны Новороссийска…Горшков, Прокофьев, Моргунов».

В этот же день приказом командующего Северо-Кавказским фронтом был создан Новороссийский оборонительный район, командование которым возлагалось на командующего 47-й армией генерала Г. П. Котова, его заместителем по морской части был назначен контр-адмирал С. Г. Горшков.

Вечером 18 августа это решение было утверждено Ставкой Верховного Главнокомандования.

3

Задачу, поставленную перед НОРом — Новороссийским оборонительным районом, — можно сформулировать очень коротко: не допустить прорыва гитлеровцев к Новороссийску как с суши, так и с моря. Если же добавить, что в задачу НОРа входила оборона не только Новороссийска, но и всего приморского фланга Северо-Кавказского фронта, то станет понятна ответственность за ее выполнение — за фактический срыв наступления гитлеровских войск в этом направлении.

Тревогу за реальное выполнение этой задачи вызывало соотношение сил. К 18 августа Новороссийский оборонительный район насчитывал в общей сложности около 15 тысяч воинов — сухопутных войск и морской пехоты. Силы, выделенные фашистским командованием для захвата Новороссийска, превосходили оборонявшихся по людям в 4 раза, по орудиям и минометам — в 7 раз, по танкам и самолетам — в 2 раза.

К тому же в начале наступления гитлеровских войск на Новороссийск рубежи обороны на подступах к городу с суши не были полностью подготовлены. Потому вполне понятно, что заместитель командующего Новороссийским оборонительным районом сосредоточил все внимание, все силы на создании рубежа прикрытия на окраинах города, формировании

дополнительных бригад морской пехоты, артиллерийских частей, которые можно было бы поставить на особо опасных направлениях.

Кажется, что в те дни он не просто объездил и город, и его окрестности вдоль и поперек — многие его улицы, уже полуразрушенные в то время, он не раз промерил шагами, потому что хотел сам убедиться в твердости людей, в надежности боевых позиций, которые должны были максимально уберечь уже не раз опаленных огнем воинов от нового натиска озверевших фашистов.

Уже заканчивался день, сгущались скорые на юге сумерки, когда контр-адмирал направился к одному из вновь сооруженных дзотов. Краснофлотцы, завидев старшего начальника, посторонились. Сергей Георгиевич внимательно осмотрел дзот и обратил внимание на то, что амбразуры обращены в одну сторону. Он выпрямился и обратился к сухопутному командиру:

— А что, если фашисты попрут с другой стороны? Ну, скажем, совершат отвлекающий удар. Что тогда будете делать?

Лейтенант, который руководил работами на этом участке, видимо, не предусмотрел такой вариант и, сознавая свою оплошность, покраснел.

— Вы согласны со мной?

Командир подразделения поспешно закивал головой.

— Так вот, лейтенант, пока не поздно, исправляй промашку.

На другом участке Сергея Георгиевича сопровождал немногословный, полный, обветренный командир роты. Он сразу понравился Горшкову своей степенностью, рассудительностью, тем, как неторопливо, обстоятельно показывал укрепления, предназначенные для кругового обстрела. Хозяйственная предусмотрительность и воинская хитрость командира вызвали в душе контр-адмирала теплое чувство благодарности за добросовестно, с умом исполненное дело. Сергей Георгиевич внимательно присмотрелся к командиру — лицо его показалось знакомым.

— Где-то встречались с вами, кажется, под Темрюком? Командир роты тут же откликнулся:

— Так точно, на рубеже Курчанской. У высоты 118.

— У Курчанской? — контр-адмирал сощурил глаза. Сергею Георгиевичу сразу припомнилась поездка на передовой рубеж в сопровождении молодого, серьезного политрука роты из прославившегося уже к тому времени 305-го батальона морской пехоты, который в жестоком бою под Ейском умело заменил погибшего в бою командира роты. Запомнилась и фамилия политрука.

— Вы не помните Безухина?

Командир роты согласно кивнул:

— Как же не помнить, политрук, потом командир соседней роты, взаимодействовали с ним. Погиб он, товарищ контр-адмирал.

Часто, очень часто приходилось слышать подобные слова, однако каждый раз при известии о гибели воина — будь то командир или рядовой моряк, пехотинец — сдавливало болью дыхание, тяжелым грузом оставалось в душе сознание невозвратности потерь.

— Жаль политрука, — контр-адмирал помедлил, добавил тихо, как бы про себя: — Тяжело терять людей.

…Впоследствии Сергею Георгиевичу удалось кое-что узнать об отважном политруке, о его последнем бое. Был Г. З. Безухий преподавателем истории до начала Великой Отечественной войны, на фронт ушел добровольно. Воевал храбро, был в числе лучших политработников флотилии. В том последнем бою, когда Безухий исполнял обязанности командира, рота его занимала оборону на юго-западной окраине станицы Курчанской, прикрывая отход наших частей. Фашисты, в несколько раз численно превосходившие моряков, беспрерывно атаковали. Азовцы отбили несколько вражеских атак, однако силы были слишком неравны, и рота попала в окружение.

«Будем стоять до последнего, — сказал бойцам Безухий и уточнил: — Вести только прицельный огонь. Патронов осталось совсем немного…»

В ходе боя политрук появлялся в самых опасных местах, умело руководил ротой. Будучи раненным, он не покинул поле боя. И только когда рота выполнила задание, Безухин организовал прорыв из окружения. Прикрывая отход бойцов, он вступил в схватку с десятью гитлеровцами, девятерых сумел уничтожить, но и сам пал смертью героя…

Сергей Георгиевич еще осматривал укрепления, когда из близлежащего домика, где располагался штаб одного из дивизионов, прибежал капитан с повязкой на рукаве, сказал, тяжело дыша:

— Товарищ контр-адмирал! Вас просят к телефону!

— Кто просит?

— Из штаба района!

Доклад из штаба оборонительного района был неутешительный. В результате тяжелых боев станицы Абинская и Крымская, имеющие важное значение, перешли в руки врага. Создалась угроза выхода вражеских войск через перевалы к Новороссийску.

Выслушав начальника штаба, контр-адмирал спросил:

— Ваши предложения?

Начальник штаба высказал предложение перебросить в район перевалов дополнительные части и начал перечислять, какие подразделения можно туда направить.

Горшков, выслушав начштаба, спокойно ответил:

— Нет, это не выход из положения.

И, помолчав, добавил:

— Сейчас буду.

Шофер уже подъехал к домику в ожидании контр-адмирала. Сергей Георгиевич, садясь в машину, продолжал обдумывать положение. Нет, это не выход — перебросить части. Это латание дыр. Из одного места снять войска, другое оголить…

Его мысли были настолько заняты тем, как преградить путь врагу, что он не заметил вновь завязавшегося в небе воздушного боя и, лишь когда послышались взрывы, бросил коротко:

— Быстрее к штабу!

Шофер круто повернул на очередном вираже, и машина подъехала к штабу флотилии, расположившемуся в штольне на Приморском шоссе, ведущем от Новороссийска к Геленджику. Спускаясь по крутой лестнице, напоминавшей корабельный трап, контр-адмирал по-прежнему напряженно обдумывал создавшуюся ситуацию.

Узнав от начальника штаба, что положение в районе перевалов продолжает осложняться, контр-адмирал связался с командующим, высказал свои предложения. Вскоре поступил приказ срочно выделить людей из личного состава штабов, учреждений, экипажей плавсредств, создать отряды, включив в них всех способных носить оружие, независимо от воинских званий. Отрядам придать артиллерию и послать на перевалы — в первую очередь Михайловский, Бабича, Кабардинский, Неберджаевский, Волчьи Ворота.

Для обороны важных дорог были выделены роты моряков, их поддерживала береговая артиллерия, бомбардировщики и штурмовики, имевшиеся в распоряжении НОРа.

Не знал тогда Сергей Георгиевич Горшков, как «срывали» защитники Новороссийска график гитлеровского командования. По плану «Эдельвейс» фашистские войска должны были овладеть Новороссийском к 15 августа. Но к этому времени они не сумели захватить даже Темрюк, где обороной Темрюкской военно-морской базы руководил командир базы контр-адмирал С. Ф. Белоусов, а военкомом был батальонный комиссар В. П. Королев. Лишь 24 августа, в соответствии с планом оборонительных операций, советские войска оставили этот город и порт по

приказу командования.

25 августа была сформирована 1-я сводная бригада морской пехоты из моряков Черноморского флота, Азовской флотилии, Керченской и Новороссийской военно-морских баз. Эта бригада была послана в направлении станицы Неберджаевской. План гитлеровцев прорваться по шоссе Верхнебаканская — Новороссийск также был сорван.

4

Особо хранятся в памяти Сергея Георгиевича два события, по случайному совпадению оказавшиеся почти рядом.

В разгар боев на подступах к Темрюку командующий Северо-Кавказским фронтом Маршал Советского Союза С. М. Буденный прислал контр-адмиралу Горшкову следующую телеграмму:

«Объявите всему личному составу, что оборона Темрюка войдет в историю Отечественной войны. За героизмом, проявленным личным составом, следит вся страна, как в свое время следила за героями Севастополя…»

Столь высокая оценка стойкости защитников Темрюка придала всем сил. За один лишь день 23 августа гитлеровцы предприняли восемь атак, но все они были отражены. Враг потерял в тот день только убитыми 1500 человек. Признание мужества и воинского мастерства азовцев, всех защитников Черноморского побережья было чрезвычайно дорого каждому, оно поддерживало боевой дух моряков, всех воинов в самые тяжелые дни жестоких боев.

Второе воспоминание — о вручении партийного билета. Тогда, в конце августа 42-го, стал Сергей Георгиевич членом партии Ленина.

За несколько дней до этого события комиссар флотилии Сергей Сергеевич Прокофьев, подписывая боевую характеристику, сказал Горшкову:

— Будете помнить это событие всю жизнь, товарищ командующий. Не в кабинете, не вдали от тревог, а на самом передовом рубеже, на линии огня вручат вам партийный билет. И это будет достойным признанием ваших боевых заслуг.

Точно в назначенный час в штольню, в помещение штаба, спустились С. С. Прокофьев и В. А. Лизарский. Каждая минута была дорога, и начальник политотдела, поздоровавшись со всеми, сразу же подошел к Горшкову. Раскрыв папку и взяв в руки маленькую красную книжечку, Валентин Александрович все-таки чуть помедлил, прежде чем передать ее Сергею Георгиевичу:

— В огне боев, товарищ контр-адмирал, вручаем вам билет члена большевистской партии. Не буду говорить подробно о том, как воевали вы весь истекший год, — все мы знаем, как выполняли вы возложенные на вас нелегкие обязанности, как завоевывали право быть членом Коммунистической партии. Все необходимое об этом сказано в боевой характеристике, на основе которой партийная комиссия флотилии, учитывая ваши заслуги, личную храбрость и мужество, приняла вас из кандидата в члены партии большевиков. От себя же скажу одно: уверен, что доверие коммунистов вы с честью оправдаете и в предстоящих нелегких боях. Позвольте вручить вам партийный билет.

Сергей Георгиевич с волнением взял билет. Мог ли он еще так недавно предполагать, что этот знаменательный долгожданный момент произойдет в такой обстановке? Но было в этом что-то символическое: ведь так уже повелось за все истекшие дни войны, что в самые трудные моменты, перед самым ответственным боем советские воины — и рядовые, и командиры — связывали свою судьбу с партией большевиков. С партией связывали они свои надежды, планы, свое счастье. Партии они были обязаны всем, что было завоевано в нашей жизни.

Горшков сам удивился охватившему его волнению. Казалось, в каких только операциях, сложнейших ситуациях не пришлось побывать — начиная от первых выстрелов по фашистским стервятникам, десанта в Григорьевке под Одессой и кончая выводом флотилии через Керченский пролив, организацией сухопутной обороны здесь, в Новороссийске, под обстрелом врага, — а вот поди же, как стучит сердце в эту минуту…

— Я обещаю, дорогие товарищи, оправдать ваше доверие. И в это сложное время, в огне боев, постараюсь высоко нести звание члена партии большевиков.

…Бережно хранит память самые дорогие страницы книги жизни. Но особо помечены в ней все дни войны. Ни один из них не подлежит забвению.

«Помни войну!» Эти слова знаменитого флотоводца земли русской С. О. Макарова, высеченные на памятнике адмиралу в Кронштадте, прямо обращены к каждому, кто прошел сквозь ее огонь, и еще более к тому, кто в какой бы то ни было степени ответствен за то, чтобы она не повторилась. Адмирал Флота Советского Союза, дважды Герой Советского Союза Сергей Георгиевич Горшков помнит о ней.

В огне боев

1

В середине июня 1941 года на Черном море проходили совместные маневры Черноморского флота и войск Одесского военного округа. Отрабатывались задачи оперативно-тактического взаимодействия сил флота и сухопутных войск. При этом уделялось большое внимание отражению десантов противника с моря. Тогда они казались весьма вероятными.

К тому времени капитан 1-го ранга С. Г. Горшков уже более года командовал бригадой крейсеров Черноморского флота. Вступив в эту должность после обучения в Военно-морской академии, основательно подкованный теоретически, он сразу же направил все усилия на отработку огневой подготовки крейсеров. Командиры боевых частей все чаще слышали напоминание о том, что крейсеры созданы для боя и экипажи надо готовить к вооруженной борьбе.

В подчинении капитана 1-го ранга С. Г. Горшкова были воистину боевые корабли, обладавшие сильным артиллерийским огнем. И на учениях, тренировках настойчиво оттачивалось искусство мастеров огня. В бригаде развернулось движение за упреждающий удар, поражение целей с первого залпа. Выходя на крейсерах в море, комбриг учил командиров кораблей вести стрельбы на больших скоростях и на предельной дистанции.

Бригада крейсеров была ведущим соединением на флоте. Ее посещали в свое время руководители партии и правительства. В разное время командовали ею опытные, образованные командиры. Многие корабли можно было по праву назвать кузницей кадров флота. Так, на крейсере «Красный Кавказ» прошли хорошую школу обучения и воспитания многие моряки, ставшие потом видными адмиралами. Среди них — Н. Г. Кузнецов, В. А. Алафузов, И. Д. Елисеев и другие.

Капитан 1-го ранга Горшков, придавая особое значение роли командиров в соединении, выработал свою практику работы с командирами кораблей: при выходах в море он давал им полную свободу действий, поощрял всякое проявление творчества, стараясь ни в коей мере не подменять кого бы то ни было.

Еще в те годы у него сложилось твердое убеждение о высоком месте командира корабля в системе флота. Каков командир, таков и корабль, и экипаж. Имена и судьбы кораблей и их командиров неразделимы. Славу кораблю добывает экипаж во

главе с командиром. Командир экипажа — учитель и воспитатель подчиненных, он первый поборник дисциплины, строгий начальник, приказ которого — закон, и первый штурман, безупречно знающий законы мореплавания, знаток морского права и искусный тактик, управляющий маневрами корабля и применением его оружия в бою.

Командиры крейсеров соответствовали этим высоким требованиям.

Бригада крейсеров эскадры Черноморского флота на учениях входила в состав сил «синих» и с началом учения была перебазирована из Севастополя в Одессу. В ходе маневров бригада должна была скрытно перейти в район Евпатории и там высадить десант на Крымское побережье. В те годы специальных десантных кораблей не было, и С. Г. Горшков распорядился перевозку десантников с крейсеров на берег осуществлять с помощью корабельных баркасов, катеров и даже весельных шлюпок. Несмотря на новизну этой задачи для экипажей, крейсеры «Красный Крым» и «Красный Кавказ», участвовавшие в высадке, справились с ней успешно.

18 июня после учений командиры всех участвующих сил были приглашены на разбор итогов учений, однако встретивший их первый заместитель наркома Военно-Морского Флота, начальник Главного морского штаба адмирал Иван Степанович Исаков сказал:

— На разбор времени нет. Кораблям срочно вернуться в свои базы и быть готовым к любым неожиданностям, но на провокации не поддаваться…

Корабли спешно снялись с якорей.

В Севастополь возвратились вечером 19 июня, рассредоточились по штатным местам стоянок. Все корабли сразу же приступили к пополнению израсходованных за время учений запасов.

Раньше после учений флот переходил на повседневную боевую готовность, но на этот раз была сохранена повышенная готовность.

В полночь с 21 на 22 июня капитана 1-го ранга С. Г. Горшкова вызвали на корабли. Он прибыл на крейсер «Червона Украина», где находился штаб бригады. Его встретили командир корабля капитан 1-го ранга Н. Е. Басистый и его заместитель по политической части батальонный комиссар В. А. Мартынов.

— Оперативный дежурный флота в один час ноль пять минут объявил кораблям готовность номер один. На крейсере к зенитным орудиям боеприпасы уже поданы, — спокойно доложил обстановку командир корабля.

Сигнал о переходе на боевую готовность номер один был объявлен начальником штаба флота контр-адмиралом И. Д. Елисеевым по приказанию народного комиссара Военно-Морского Флота адмирала Н. Г. Кузнецова.

О переходе на готовность номер один доложили по семафору командиры «Красного Кавказа» и «Красного Крыма».

Перед рассветом над городом со стороны моря послышался гул моторов, а затем показался силуэт самолета. Сигнальщик доложил:

— Иностранный самолет!

В напряжении, тревоге долгими оказались минуты в ожидании решения штаба флота. Приказ контр-адмирала И. Д. Елисеева гласил: зенитной артиллерии и стоящим в базе кораблям открыть огонь.

Крейсер «Червона Украина» открыл огонь по неизвестному самолету одним из первых.

Прошел еще час, и из штаба флота сообщили: началась война.

2

Успешно отразив первые удары врага, корабли бригады встали на защиту Одессы и Севастополя.

В начальный период обороны Одессы артиллерийская поддержка войск возлагалась на отряд кораблей Северо-Западного района, куда входили крейсер «Коминтерн», имевший устаревшее вооружение, и корабли других классов. Учитывая сложность обстановки, командование решило привлечь к обороне Одессы корабли из состава главных сил Черноморского флота.

С. Г. Горшков глубоко вник в положение дел, проанализировал его и сделал первые выводы. Перед войной крейсера в основном отрабатывали стрельбы по морским и воздушным целям. Обстановка под Одессой заставила сосредоточить корабельную артиллерию для ударов по береговым объектам. Кроме того, предусматривалось составление документов по взаимодействию кораблей с сухопутными войсками на каждую стрельбу. Командир бригады поставил задачу по-новому: проводить стрельбы без составления каких-либо документов, основываясь лишь на указаниях по связи и таблице условных сигналов.

22 корабля участвовало в артиллерийских ударах по врагу за время обороны Одессы. С 20 августа по 15 октября они сделали 165 выходов в район Одессы, выпустили по противнику тысячи

снарядов. Это была мощная и своевременная поддержка. Матросы и солдаты, наблюдавшие меткие попадания корабельных комендоров, передавали большое спасибо морякам.

Особенно восхищались армейцы ударами крейсера «Червона Украина», артиллеристы которого во главе с капитан-лейтенантом В. А. Федюшко успешно справлялись с поставленными задачами. Командир бригады капитан 1-го ранга С. Г. Горшков, находившийся на корабле во время боевых действий, тоже высоко оценил действия командования и всего личного состава крейсера.

Осуществляя непосредственное руководство корабельными ударами по врагу, С. Г. Горшков сделал первые обобщения о характере артиллерийской поддержки войск. Он обосновал необходимость четкой корректировки огня и присутствия в сухопутных частях, нуждавшихся в поддержке корабельной артиллерией, представителя флота со средствами связи. Неоднократно возвращался он в дальнейшем к развитию того первого опыта корабельной артиллерийской поддержки.

К осени обстановка под Одессой усложнилась. Превосходство противника было настолько велико, что нельзя было рассчитывать на успешное наступление войск Приморской армии. Ставка Верховного Главнокомандования дала указание не распылять силы, а готовить их для решительного наступления на главном направлении. В создавшейся обстановке для окружения и уничтожения левофланговой группировки противника и лишения его возможности обстреливать город, порт и морские подходы к нему Народный комиссар ВМФ приказал, в соответствии с общими указаниями Ставки ВГК, разработать операцию по высадке тактического десанта в районе Дофиновки. Для решения этой задачи, а также для придания устойчивости всей обороне в целом, военные советы Черноморского флота и Одесского оборонительного района приняли решение нанести контрудар в восточном секторе и одновременно высадить морской десант в районе Григорьевки.

В Одессу из Новороссийска направилось подкрепление. Командиром высадки десанта был назначен капитан 1-го ранга С. Г. Горшков. Для участия в операции были выделены крейсеры «Красный Кавказ» (командир А. М. Гущин), «Красный Крым» (А. И. Зубков), эсминцы «Бойкий» (Г. Ф. Годлевский), «Безупречный» (П. М. Буряк), «Беспощадный» (Г. П. Негода) и «Фрунзе» (В. Н. Ерошенко). Общее руководство операцией возлагалось на командующего эскадрой контр-адмирала Л. А. Владимирского.

Капитан 1-го ранга С. Г. Горшков сосредоточил все внимание на подготовке к операции, стремясь предусмотреть самые

неожиданные варианты. Он отдал распоряжение идущим на задание крейсерам принять дополнительно несколько баркасов с других крейсеров. Кое-кто из командиров выразил сомнение:

— Зачем эти лишние хлопоты?!

С. Г. Горшков укоризненно посмотрел на говорившего:

— В бою, при высадке баркасы будут не лишними.

С командирами кораблей командир высадки провел тактическое занятие по изучению обстановки в районе десанта. Даже запланировали установку светящегося буя, в районе которого все отряды кораблей должны были встретиться. В состав первого броска включили корректировочные посты для обеспечения стрельбы. Тщательно продумали меры скрытности.

Ход операции был рассчитан по часам и минутам.

21 сентября в 9.05 в Казачьей бухте началась посадка на корабли полка морской пехоты. В 13.40 корабли под командованием С. Г. Горшкова вышли в район Одессы.

Около 23.00 командование отряда получило тревожную радиограмму: эскадренный миноносец «Фрунзе», вышедший из Севастополя на семь с половиной часов раньше с командующим операцией на борту, атакован самолетами, получил серьезное повреждение и затонул. Контр-адмирал Л. А. Владимирский ранен. Портфель с планом первой в ходе войны крупной десантной операции затонул вместе с погибшим в бою эсминцем.

Командир высадки капитан 1-го ранга С. Г. Горшков получил приказ командующего флотом: принять на себя руководство всей операцией.

В сложной обстановке Горшков хладнокровно проанализировал обстоятельства. Высадочные средства в назначенную точку вовремя не прибыли. Документов на высадку нет — они утонули вместе с кораблем. И все же Сергей Георгиевич решил не отменять операцию. Капитан 1-го ранга приказал: не ожидая отряда высадочных средств, приступить к посадке десанта на корабельные средства. Запасные баркасы оказались как нельзя более кстати.

Потом стал осуществлять тщательно взвешенное решение об использовании корабельных средств.

В 1 час 23 минуты мощные орудия крейсеров и эсминцев открыли огонь по первому прибрежному рубежу обороны противника. В 1 час 30 минут в районе деревни Шицли с самолета был сброшен парашютный десант, посеявший панику в рядах противника. Четверых парашютистов отнесло от своих, и они, прорываясь, уложили немало гитлеровцев. Четыре человека в полосатых тельняшках, в черных бескозырках, окровавленные, перевязанные обрывками форменок — такими они запомнились.

Одному из них, матросу Перепелице, принадлежат памятные слова: «Один моряк — моряк, два моряка — взвод, три моряка — рота… Сколько нас — четверо?.. Батальон, слушай мою команду!»…

В той десантной операции впервые действовали моряки, сошедшие с кораблей в десант. И все-таки в непривычной обстановке они показали образцы воинского мастерства, боевого напора, смелости, инициативы.

Высадка десанта в районе Григорьевки прошла успешно, без больших потерь.

Говоря об этой операции, адмирал флота И. С. Исаков писал:

«Высадка с боевых кораблей под прикрытием крейсеров и миноносцев была настолько внезапной и стремительной, а взаимодействие с поддерживающими огнем кораблями и авиацией настолько четким, что фланг противника, упиравшийся в берег, был смят».

Операция по высадке десанта еще продолжалась, когда на корабль, на котором был поднят флаг командующего эскадрой, поступила радиограмма о том, что капитану 1-го ранга С. Г. Горшкову присвоено звание контр-адмирала.

3

В октябре 1941 года развернулись тяжелые бои на юге нашей страны. В связи с этим большие надежды возлагались на Азовскую флотилию. Ей предстояло вывести из Ростова в порты Кавказского побережья Черного моря суда торгового и рыболовного флота, уничтожить плавсредства, оставшиеся в Геническе, Осипенко (ныне Бердянск) и Мариуполе (ныне Жданов), не допустить высадки десантов на Азовское побережье от Таганрога до Темрюкского залива, содействовать приморскому флангу войск Южного фронта на северном побережье Азовского моря.

В такой обстановке в октябре 1941 года контр-адмирал С. Г. Горшков был назначен командующим Азовской флотилией.

Горшков без раскачки включился в командование. Начальник штаба флотилии капитан 3-го ранга А. В. Свердлов впоследствии вспоминал:

«С приходом Сергея Георгиевича мы все сразу почувствовали твердую руку. Свежая струя вливалась во все наши дела. На флотилии были проведены совещания командного и начальствующего состава, а также партийные собрания, на которых разбирались ошибки, допущенные при эвакуации

Мариуполя и Таганрога, обсуждались меры по повышению боеготовности кораблей. Разобравшись в обстановке, контр-адмирал Горшков очень верно, как показали последующие события, определил пути решения поставленных флотилии задач. Они включали действия кораблей и авиации против немецко-фашистских войск на северном побережье, создание единой с войсками Южного фронта противодесантной обороны восточного побережья моря, действия против коммуникаций и баз противника, конвоирование своих более ценных транспортов».

В подборе людей, подготовке к выполнению сложных решений командующий флотилией опирался на помощь комиссара флотилии С. С. Прокофьева, начальника штаба А. В. Свердлова, находя у них и понимание, и поддержку. Хорошей опорой были руководители и офицеры штаба и политотдела флотилии, командиры ведущих соединений — командир отдельного Донского отряда, а затем командир Ейской военно-морской базы контр-адмирал С. Ф. Белоусов, командир дивизиона канонерских лодок капитан 2-го ранга В. С. Грозный, командир дивизиона сторожевых кораблей капитан 3-го ранга В. М. Дубовов и другие.

Вскоре в действиях флотилии наметился сдвиг: наладилась регулярная боевая подготовка кораблей и частей, ускоренно строились стационарные артиллерийские батареи среднего калибра, налаживалось их взаимодействие с сухопутными войсками. Для удобства управления силы флотилии были разделены на группы. Они одновременно действовали против немецко-фашистских войск как на северном побережье, так и на Керченском полуострове. Азовцы били немецко-фашистских захватчиков с беззаветной отвагой и мужеством.

Ожесточенная борьба развернулась на тех самых плесах, где революционным черноморцам уже приходилось драться во время гражданской войны, решая те же задачи обеспечения приморского фланга армии под Мариуполем, Таганрогом и на подходах к Ростову.

Но на этот раз враг оказался сильнее, а обстановка сложнее, так как в новой войне без авиации уже нельзя было успешно выполнять боевые задачи. И все-таки С. Г. Горшков все чаще вспоминал эпизоды борьбы с врангелевцами, завет М. В. Фрунзе: в каждом данном случае избирать наиболее подходящий метод действия.

В конце осени 1941 года Ставка Верховного Главнокомандования запланировала осуществление Керченско-Феодосийской десантной операции, чтобы овладеть Керченским полуостровом и тем самым обеспечить условия для освобождения Крыма. Замысел операции предусматривал высадку десантных сил на широком фронте от Ак-Моная на северном побережье Керченского пролива до Коктебеля и отсечение противника от его основных сил охватывающим ударом. Подготовка этой операции началась в первых числах декабря и была тщательно организована. Высадка десанта Азовской флотилии и Керченской военно-морской базы планировалась на мелких судах — крупных кораблей не было. Удалось собрать и подготовить 176 байд, 64 рыбачьих шлюпки, 58 баркасов, 17 дубков, а всего свыше 300 единиц. Была сформирована большая и трудноуправляемая армада, не имевшая средств связи.

Создание этой армады было нелегким делом. Передача военному флоту соответствующих судов вызывала обиду у гражданских моряков, когда приходилось списывать так называемую вольную команду. Моряки и рыбаки хотели вместе с военными участвовать в общем деле разгрома врага. И командующий флотилией не раз советовал не обижать капитанов гражданских судов и по возможности оставлять их на борту.

Ветераны войны вспоминают, как однажды старшина флота пришел на причал принимать от старого азовского рыбака моторное хозяйство сейнера, предназначенного для участия в десантной операции.

Старый рыбак выслушал приказ и, закурив трубку, спросил хмуро:

— А что же прикажете делать мне?

— Вот выполним задание и опять вернем сейнер.

— Так мне что, значит, сойти с катера и сидеть сложа руки, ждать у моря погоды?

Старый рыбак дошел до командующего флотилией. Сергей Георгиевич выслушал его и сказал:

— Хорошо, оставим вас на сейнере. Только придется подчиняться нашим приказам. Рыбак поспешно согласился:

— Ничего, раз надо — так надо.

…Потом, когда в тяжелом бою часть военной команды вышла из строя, старый рыбак, тоже раненный, довел сейнер до цели.

Ни на час не упускал командующий из поля зрения действия личного состава Азовской флотилии.

В ночь на 25 декабря в Темрюке и Кучугурах организованно произвели посадку войска 224-й стрелковой дивизии и 83-й стрелковой бригады 51-й армии. Корабли и суда с десантом на

борту раздельно пятью отрядами вышли в море.

Вначале погода благоприятствовала движению кораблей и судов флотилии. Но к вечеру 25 декабря подул сильный встречный ветер. Малые суда, в том числе сейнеры, которые тащили на буксире боты, лодки и другие несамоходные средства, начали терять скорость. Буксиры не выдерживали и рвались. Малые суда разметало в море.

«Если бы старый адмирал, воспитанный на классических традициях линейного флота, увидел это сложное соединение самых разнообразных кораблей и судов — от монитора специальной постройки, бронекатера и охотника до рыбачьих мотоботов и сейнеров, вооруженных малокалиберной артиллерией и пулеметами, — он, наверное, скептически улыбнулся бы, недоумевая, как можно воевать на подобного рода «композитной» эскадре. Однако азовцы воевали, и воевали неплохо, именно на этих судах… Эти маленькие корабли делали большое дело», — писал адмирал Исаков, оценивая действия Азовской флотилии в тот период.

Противник, обнаружив наши суда, открыл с берега артиллерийский и минометный огонь, а 26 декабря на десантные отряды обрушила мощный огонь вражеская авиация. Высадку десанта в намеченных пунктах произвести не удалось. Война опять поставила Сергея Георгиевича Горшкова перед непростым вопросом: что делать?

Командующий флотилией, оценив обстановку, свои силы и силы противника и верный правилу не отступать, а нападать, если даже враг сильнее, отдал приказ начать высадку основных сил в районе мысов Зюк и Хрони. И хотя пришлось отказаться от захвата с моря плацдарма в районе Ак-Монайских позиций, зато создавались условия для быстрого овладения Керчью совместно с десантом, высаженным в районах Камыш-Бурун, Эльтиген.

Керченско-Феодосийская десантная операция внесла многое в опыт подготовки и осуществления подобных операций в условиях сильного противодействия противника на побережье и в воздухе. Эта операция позволила сорвать вторжение противника через Керченский пролив на Таманский полуостров и вынудила 11-ю немецкую армию перейти к обороне под Севастополем. Не случайно командующий этой армией впоследствии писал, что никто не мог предвидеть, удастся ли вообще справиться со смертельной, возникшей в результате десантных операций у Керчи и Феодосии опасностью для армии.

Война всегда полна неожиданностей. Контр-адмиралу Горшкову она преподносила уроки, которых ни в каких учебниках не найдешь. И каждый раз при неожиданных поворотах событий требовалась гибкость мышления, инициатива, самостоятельность. Командиры, штабные работники отдавали должное оригинальным решениям командующего флотилией.

В зимних условиях, когда прибрежные районы Азовского моря и весь Таганрогский залив покрылись крепким льдом, С. Г. Горшков приказал наносить систематические удары по вражеской обороне у Таганрога и восточнее Мариуполя силами штурмовых отрядов моряков. Эти отряды создавали из наиболее выносливых моряков-добровольцев, преимущественно коммунистов и комсомольцев. Предварительно учились преодолевать нагромождения льдов, метко стрелять, вести бой против огневых точек и пехоты, метать гранаты.

Отряды выходили из Азова и Ейска в предвечернее время, шли по льду более 30 километров, снимали вражеские дозоры, посты, разрушали огневые точки и другие объекты обороны, уничтожали вражеские гарнизоны и вновь преодолевали тяжелый путь по льду, возвращаясь обратно к своему берегу.

Зимой 1941–42 года более 80 раз разведывательные и штурмовые отряды моряков флотилии совершали рейды в тыл врага, на занятый противником берег Таганрогского залива. Они нанесли гитлеровцам значительный урон, отвлекали немалые силы врага, вносили в их ряды панику.

Командующий флотилией все время держал под контролем действия штурмовых отрядов, сам проверял их готовность, вникал в их подготовку, давал советы, как действовать. Контр-адмирал изучал уставы и наставления сухопутных войск и свободно оперировал сугубо сухопутной терминологией, обнаруживая доскональное знание и понимание специфики действий сухопутных войск. Как помогло это впоследствии — при обороне Таманского полуострова, при защите Новороссийска, во время командования 47-й армией, освобождении Крыма и городов Приазовского побережья, когда приходилось постоянно взаимодействовать с армейцами, знать и понимать их тактику.

В мае 1942 года Ставка Верховного Главнокомандования отдала приказ об эвакуации Керченского полуострова. Выполнение этой задачи было возложено на Азовскую флотилию. В распоряжение командования Керченской военно-морской базы были переданы все находившиеся в Азовском море суда. Артиллерийские корабли флотилии прикрывали перевозки и северный фланг наших частей на полуострове. В трудных условиях, когда наши войска несли потери от вражеской авиации

как в пунктах посадки, высадки, так и при переходе через пролив, удалось эвакуировать около 120 тысяч человек.

Действиям наших сил угрожали части противника, расположенные в северной части побережья Азовского моря. Чтобы сковать их, командование флотилии во главе с командующим разработало детальный план минных постановок на Азовском море. В течение трех месяцев, обычно в ночное время суток, отряды и группы кораблей и катеров-заградителей в сопровождении тральщиков скрытно совершали переходы в район вероятного движения судов врага и ставили там мины. 17 судов потерял противник на минах в этом районе.

«Во время одного из совещаний в своей штаб-квартире, — писал позже буржуазный военно-морской историк Ю. Майстер, — Гитлер заметил, что немцы несут значительные потери в этих водах, подрываясь на минах».

Военные действия Азовской флотилии основывались на трезвом учете своих сил и сил противника, сложившейся обстановки и возможных вариантов действий. Приняв решение, командующий флотилией настойчиво проводил его в жизнь.

А потом наступил август 1942 года, когда перед Азовской флотилией была поставлена одна из сложнейших задач — вывод огромного количества судов из Азовского в Черное море.

Командующий флотилией снова и снова анализировал обстановку. В чем преимущества немецких сил? Они занимают господствующие высоты на восточном побережье Керченского полуострова, простреливают огнем прямой наводки Керченский пролив. В заливах северного побережья Керченского полуострова, в портах Керчь и Камыш-Бурун — вражеские корабли, вооруженные артиллерией и торпедами. В этих условиях проход через Керченский залив — это, по существу, прорыв оборонительной позиции противника. Так родилось решение. От Темрюка до входа в Керченский пролив суда шли в сопровождении сторожевых катеров и тральщиков. Первоначально суда проходили через пролив безлунными ночами порознь, прижимаясь к нашему берегу. Особо трудным был прорыв в узких местах пролива — в районе косы Чушка и в Тузлинской промоине. Этот узкий коридор пронизывали лучи прожекторов и осветительные ракеты. Чтобы замаскировать наши суда, сторожевые катера и катера-тральщики прикрывали конвои дымовыми завесами.

Тот прорыв наших кораблей и судов был подвигом. По своему замыслу и организации он явился дальнейшим развитием советского военно-морского искусства. Свыше 150 вымпелов боевых кораблей и судов осуществили дерзкий прорыв в условиях

непрерывного обстрела врага и постоянного воздействия с воздуха.

Все корабли и суда прибыли в Новороссийск.

6

В начале сентября в связи с подходом противника к командному пункту, находившемуся почти в центре Новороссийска, заместитель командующего НОРом контр-адмирал С. Г. Горшков, на которого Военный совет фронта 2 сентября 1942 года возложил непосредственное руководство обороной города, отдал приказ перенести КП на берег бухты. Офицеры штаба переглянулись: слишком уж рискованно. Но с наступлением темноты С. Г. Горшков, показывая пример другим командирам и увлекая их за собой, пробрался мимо вражеских частей на берег бухты и обосновался в подвале школы пограничников. Контр-адмирал хорошо усвоил давнее правило: флотоводец — первый матрос.

Еще двое суток руководил С. Г. Горшков вместе со своим штабом боевыми действиями подчиненных частей. А когда поступил приказ — эвакуировал морских пехотинцев и части 47-й армии из центральной части города и района Мысхако на восточную окраину, в район цементных заводов.

С исключительным упорством сражались морские пехотинцы до последнего часа. Прерывалась связь, гитлеровцы, пользуясь своим численным превосходством, обступали защитников города все плотнее.

С командного пункта на 9-м километре с тревогой наблюдали за ожесточенной перестрелкой на западном берегу бухты. И когда в ночь с 9 на 10 сентября прервалась связь, было принято решение отправить в район рыбозавода десантную группу.

…Много лет спустя о некоторых подробностях той ночи Сергею Георгиевичу Горшкову напомнил мичман И. М. Корягин — тогда командир отделения разведки: «…Перед посадкой на катера нам кратко объяснили, что наш десант должен отвлечь внимание противника… И еще нам сказали: «В городе остался контр-адмирал Горшков, судьба его неизвестна. Вы должны разыскать его, живого или мертвого, и доставить в Геленджик».

…Высадились мы в районе рыбозавода, враг ожесточенно обстреливал нас артиллерийским и минометным огнем, но мы все-таки заняли позиции по насыпи железнодорожного полотна. Командир батальона старший лейтенант Лавлинский подозвал меня и говорит: «Возьми двух матросов и разведай обстановку до

холодильника…» Потом подумал и добавил: «С вами пойду и я». Так мы вчетвером и пошли в разведку… На подходе к школе нас с крыши обстрелял вражеский автоматчик. Старший лейтенант послал меня ликвидировать автоматчика, что и было выполнено. После этого мы смогли попасть в школу. Обыскали все помещения и, к нашему счастью, в подвальном помещении обнаружили Вас, майора Красникова и раненного в грудь матроса…»

Получив письменный приказ С. М. Буденного, контр-адмирал Горшков на последнем катере вместе с первым секретарем горкома партии Н. В. Шурыгиным перешел на восточный берег.

Оборона Новороссийска… Знания многих правил потребовала она от заместителя командующего Новороссийским оборонительным районом, некоторое время командовавшего даже сухопутной — 47-й армией. Обстоятельства потребовали того, и контр-адмирал Горшков с полной отдачей сил выполнял все, что мог предпринять он сам и вверенные ему войска.

Что поддерживало его в те дни, давало силы? Наверное, многое определялось его характером, знаниями, той школой, которую прошел он на пути к морю, к своей профессии. И конечно, тем, что воспринял он от самых близких людей, в кругу семьи. Спустя годы, осмысливая свой жизненный путь, Сергей Георгиевич так подчеркнул значение семьи в воспитании:

«Велико значение в формировании характера юноши и школы, и общественных организаций, и культивирующейся в стране героики подвига, труда, но все же неоценимую роль в этом играет семья. Скажу про себя. В кругу родителей, сестер закладывались нравственные основы, тот стержень, на которых приходилось мне держаться всю жизнь».

Жизненный и боевой путь С. Г. Горшкова типичен для многих военачальников нашего времени.

В автобиографии Сергей Георгиевич писал:

«Родился 26 февраля 1910 года в городе Каменец-Подольске. Русский. Мой отец, Горшков Георгий Михайлович, из крестьян, заслуженный учитель республики, более 50 лет преподавал в школах математику и физику… Мать, Горшкова Елена Федосеевна, — учительница русского языка… С 1912 года вся семья постоянно проживала в городе Коломна Московской области». В семье были заложены основы тех черт характера, которые сыграли решающую роль в становлении будущего флотоводца. Отец и мать Горшковы имели твердые принципы воспитания. Они считали, что дети лучше растут, формируются, когда их в семье несколько. У Георгия Михайловича и Елены Федосеевны детей было трое: старшая дочь Татьяна, средний сын

Сергей и младшая дочь Наталья. Дети росли дружными. Брат был любимцем сестер, и старшая сестра с детских лет наставляла его, давая первые уроки воспитания.

Наталья Георгиевна, младшая сестра, вспоминала:

«На воспитании детей в нашей семье сказывалось взаимоотношение родителей. Отец и мать уважали друг друга и до последних лет сохранили чистоту чувств. Они были твердо убеждены: чтобы сформировать разумные характеры, надо приучать детей с ранних лет к ежедневной полезной работе, сообразна их силам и способностям. И они поручали каждому из нас такую посильную работу».

В доме Горшковых воспитывало все: и режим жизни, и простота в общении, и отношение к вещам, явлениям. Отец и мать высоко несли звание народных учителей и руководствовались в жизни и работе мудрым правилом: ребенка воспитывает каждый шаг, каждое слово, каждое явление. Но воспитание детей не замыкалось в семейном кругу. Огромное влияние на юного Сергея оказывали школа, тот дух подвижничества, который царил в стране, в его родном городе Коломне, славившейся еще в начале века революционными и боевыми традициями. Бурные Октябрьские дни, гражданская война, восстановление народного хозяйства, начало индустриализации оставили яркий след в сердце юноши.

В 1926 году, когда ему исполнилось 16 лет, Сергей окончил Коломенскую среднюю школу и отправился в Ленинград — поступать в университет. То было время созидания — новой жизни, новых заводов, шахт, электростанций, железных дорог. Везде требовались грамотные, знающие люди. Одним из самых популярных был лозунг: «Кадры решают все».

Сергей Горшков успешно сдал экзамены и был зачислен вольнослушателем физико-математического факультета Ленинградского университета.

С первых дней учебы он сочетал занятия в университете с работой в морском порту, пока в судьбе его не произошел крутой поворот. Увлеченный общим движением молодежи — служить на флоте, — он в 1927 году написал заявление с просьбой принять в Высшее военно-морское училище имени М. В. Фрунзе.

Не помышлявший ранее о профессии военного, молодой Сергей Горшков, поступив в училище, проникся сознанием счастливой доли военного моряка. Славная история училища, воспитавшего не одно поколение мореплавателей, давшего миру известных флотоводцев, славные традиции — все это производило на будущего моряка огромное впечатление. Курсантов вдохновляло сознание того, что им доверена

героическая эстафета из рук тех, кто штурмовал Зимний и сражался на фронтах гражданской войны, кто закладывал основы социализма. Они встречались с участниками революционных событий, слушали их рассказы, жадно впитывая и атмосферу училища, где в актовом зале выступал Ильич, и личный пример военкомов, коммунистов, гордясь той высокой оценкой, которую дал военным морякам В. И. Ленин.

Изучение общественных наук, законов классовой борьбы еще более закаляло у будущих моряков готовность защищать первое в мире социалистическое Отечество…

Увлекала и вдохновляла героическая история русского флота, и курсант Горшков, постигая мысли выдающихся флотоводцев, выписывал некоторые из них. Особенно влекли его суждения адмирала Макарова: «Мое правило: если вы встретите слабейшее судно — нападайте, если равное себе — нападайте и если сильнее себя — тоже нападайте…», «…если на миноносце будут находиться люди со стальными нервами, то их ночные атаки будут иметь полный успех. Люди с большим самообладанием могут сделать чудеса, тогда как слабая воля исполнителей и недостаток в настойчивости в значительной степени убавят результат».

Преподаватели того времени — старые моряки, имевшие большой опыт плавания на кораблях, офицеры российского флота, принявшие новую власть рабочих и крестьян. Они передавали курсантам свои знания, свой опыт, свою влюбленность в море, флотскую службу.

А на практических занятиях с ребятами в курсантской форме занимались ассистенты педагогов — старые боцманы, помогая будущим командирам овладевать профессиональными моряцкими тайнами, непростой практической флотской службой.

Атмосфера глубокого уважения, заинтересованного постижения морских наук, дух славных революционных и боевых традиций пробудили в душе Сергея Горшкова истинную любовь к флоту, морской службе. Эти чувства еще более окрепли во время морской практики летом 1928 года на легендарном крейсере «Аврора».

Курсанты любовались кораблем, а старые моряки напоминали им: корабль держится не на воде, а на флотском порядке.

Выйдя на просторы Балтики, «Аврора» демонстрировала собой рождение молодого советского флота. Встречавшиеся иностранные корабли и пароходы спускали флаг в знак уважения перед Страной Советов. Советский флот выходил на просторы морей, получив всеобщее признание.

Дальний поход «Авроры» окончательно убедил курсанта Горшкова, что флот, служба — его стихия, призвание. Как это увлекательно, хотя и сложно, — рассчитать место корабля по звездам. По ночам исписывались десятки страниц, цифры, выстраиваясь в колонки, позволяли прокладывать четкую линию на штурманской карте. Корабль шел вне видимости берегов, и звезды освещали и подсказывали его путь. Курсант Горшков надеялся найти и свою звезду.

После трудных вахт, авралов, приборок курсанты собирались вечерами на баке и звонко пели: «По всем океанам развеем мы красное знамя труда».

Уже значительно позднее Сергей Георгиевич скажет:

«Часто говорят о романтике морской службы, романтике дальних океанских плаваний. Да, действительно, в морской службе романтики немало. Но по-настоящему понять и оценить эту романтику могут только люди, избравшие судьбу моряка, преданные флоту, отлично знающие и глубоко любящие свое дело, хотя в службе на море им не всегда легко. Порой возникают весьма сложные ситуации, в которых приходится постоянно быть готовым к любым, подчас тяжелейшим моральным и физическим испытаниям, требующим предельного напряжения сил. Однако великая цель служения Родине помогает морякам преодолевать все трудности…»

Поход вокруг Скандинавии был до предела заполнен штурманской практикой, несением вахт на верхних боевых постах, в машинном отделении и у паровых котлов. Поход стал настоящей школой обучения и воспитания будущих командиров. Возможно, вспоминая этот первый в своей жизни поход, С. Г. Горшков много лет спустя особо подчеркнет значение дальних походов для совершенствования боевой выучки экипажа, сплочения личного состава, для закалки моряков.

Незаметно пролетели четыре года учебы.

В последний раз перед тем, как разъехаться, прошли вчерашние курсанты по набережной Невы, поклялись хранить флотскую дружбу, верность морю. Рядом с С. Г. Горшковым были его однокурсники В. А. Касатонов, А. Т. Чабаненко, С. Е. Чурсин, В. А. Чекуров, И. И. Байков и другие. Это был девятый, знаменитый девятый выпуск училища, вошедший в историю флота как наиболее «урожайный». Многие из этого выпуска стали адмиралами, командовали флотами, флотилиями — «держали флот в своих руках».

После окончания училища С. Г. Горшков получил назначение на Черноморский флот — штурманом эскадренного миноносца «Фрунзе». Этот корабль стал не только его родным домом, но и

университетом, крепостью, доброй стартовой площадкой…

А потом был Тихоокеанский флот. Здесь начинали свой славный путь многие флотоводцы, в их числе — С. О. Макаров.

Штурман флагманского корабля минного заградителя «Томск», флагманский штурман бригады, командир сторожевого корабля, а затем эскадренного миноносца — ступени его роста в тот период.

Командование кораблем — один из самых волнующих и памятных этапов в службе С. Г. Горшкова. В должности командира он сполна испытал чувство ответственности за выучку людей и за состояние техники, моральный дух моряков, их быт и досуг. Соединяя взыскательность с вниманием и заботой о людях, он старался сплотить экипаж, добиваясь готовности выйти в любую минуту на задание.

И какими бы в дальнейшем ни доводилось командовать частями, соединениями, флотилиями, ничто не смогло заслонить в его сердце тот ставший в свое время родным корабль, где он впервые испытал свое командирское искусство. Не случайно С. Г. Горшков скажет спустя много лет:

«Командир военного корабля… Высокое, гордое звание! Чтобы по праву занять командирское место на мостике, нужен большой упорный труд. Беспредельная преданность Родине, сильная воля, твердый характер, настоящая любовь к морю, гордость своей профессией, готовность к трудностям и к подвигу и способность постоянно учиться — непременные качества командира корабля».

С началом боев у озера Хасан для кораблей 7-й морской бригады Тихоокеанского флота, которой командовал капитан 3-го ранга С. Г. Горшков, наступили трудные дни. Корабли бригады конвоировали транспорты, доставлявшие из Владивостока в бухту Новгородская войска и боевую технику, а обратно — раненых бойцов, несли дозорную службу. На счету кораблей оказалось немало успешных операций. Действия 7-й морской бригады характеризовались четкостью управления, слаженностью действий, тесным взаимодействием с другими силами.

Семилетняя служба на Тихоокеанском флоте обогатила С. Г. Горшкова командирской практикой, пониманием насущных проблем флота, возможностей Тихоокеанского театра, его перспектив. Уже в те годы молодой командир на занятиях, теоретических семинарах порой удивлял других смелыми взглядами на характер будущего флота.

На Черноморский флот на должность командира бригады эскадренных миноносцев капитан 2-го ранга Горшков вернулся в июне 1939 года. Он прибыл на флот, где началась его

самостоятельная морская вахта и где суждено ему было встретить начало Великой Отечественной войны.

Служба на флотах, прохождение всех ступеней командирской деятельности — от командира боевой части до командира бригады крейсеров — подготовили его к тем испытаниям, сквозь которые довелось пройти контр-адмиралу Горшкову за все долгие дни и ночи войны.

7

Азовская военная флотилия была воссоздана вновь в феврале 1943 года в связи с успешным наступлением советских войск и освобождением ряда городов южной части нашей страны. Командующим снова был назначен С. Г. Горшков. По его запросу на флотилию были возвращены офицеры, уже участвовавшие в боевых действиях на Азовском море. Начальником штаба стал опять опытный моряк капитан 2-го ранга А. В. Свердлов, его заместителем и начальником оперативного отдела — капитан 3-го ранга А. А. Ураган, начальниками других отделов — капитан 3-го ранга А. С. Бархоткин, капитан 2-го ранга Н. К. Кириллов. Политотдел флотилии возглавил капитан 1-го ранга С. С. Прокофьев.

Опираясь на своих помощников, контр-адмирал С. Г. Горшков осуществил ряд удачных операций, о которых в автобиографии написал так:

«Весной 1943 года командовал рядом десантных и набеговых операций на временно занятое немцами побережье для содействия наступающим сухопутным войскам Южного и Северо-Кавказского фронтов. Наиболее крупными операциями флотилии были: десанты в Мариуполь, Осипенко и Темрюк; поддержка с моря частей Северо-Кавказского фронта при освобождении Таманского полуострова и, наконец, крупная десантная операция в ноябре 1943 года по высадке частей отдельной Приморской армии на Керченском полуострове. Этот десант впоследствии перерос в операцию по систематическим перевозкам через Керченский пролив войск, техники и грузов армии».

Каждая из этих операций примечательна по-своему, содержала что-то новое, отличалась гибкостью, зрелостью оперативного решения и главным — одержанной малыми силами победой.

При подготовке и проведении Новороссийско-Таманской наступательной операции прослеживается уже выработанный в прошлых операциях почерк: четкое планирование, тщательная

подготовка и внезапность действий. Учитывая, что противник, опираясь на заранее подготовленные рубежи «Голубой линии», начал эвакуацию своих войск с Таманского полуострова на Керченский через Темрюк и пролив, командующий флотилией поставил своим силам задачу прорвать оборону противника, нарушить коммуникации.

Операция была успешной. Решительными действиями части десанта перерезали дорогу Темрюк — Пересыпь, нанесли удар с тыла по вражеским позициям в Темрюке и выполнили поставленную задачу.

Наблюдая с командного пункта за действиями своих сил, Сергей Георгиевич с гордостью и радостью отмечал, как выросло за годы войны боевое мастерство азовцев. Нехватку в силах они компенсировали высокой выучкой. За 25 дней — 15 боев с вражескими кораблями на коммуникациях, высажено 4 тактических десанта. В этой операции приходилось концентрировать необходимые силы в крайне ограниченные сроки, скрытно, и действия флотилии, внезапные и мощные, приносили победу.

Пришел 1944 год — год решительного наступления наших войск. Быстрое продвижение войск 3-го Украинского фронта нуждалось в активной поддержке со стороны приморского фланга. В связи с этим Азовская военная флотилия переформируется в Дунайскую военную флотилию и перебазируется в Одессу. Контр-адмирал С. Г. Горшков назначается командующим флотилией с оперативным подчинением командующему 3-м Украинским фронтом.

Направляясь в Одессу, С. Г. Горшков забирает с собой прежний штаб и командиров соединений, проявивших высокое искусство управления силами. Среди них капитан 2-го ранга П. И. Державин — командир 1-й бригады речных кораблей, капитан 2-го ранга А. Ф. Аржавкин — командир 2-й бригады речных кораблей, капитан 2-го ранга Г. Н. Охрименко — командир 1-й бригады траления, капитан-лейтенант И. М. Кузнецов — офицер-оператор штаба флотилии и другие.

В августе началась подготовка к преодолению Днестровского лимана. Содействуя нашим наступающим частям, флотилия должна была осуществить высадку десанта на правый берег лимана.

Командование флотилии и непосредственно командующий уделяли большое внимание специальной подготовке десантников.

«На северо-западной окраине Одессы в течение двух недель мы, бойцы морской пехоты, проводили регулярные тренировки. Отрабатывали посадку и высадку. Учились длительное время

ходить на веслах. Нередко на берегу во время тренировки мы видели командующего флотилией или начальника штаба, которые интересовались нашей подготовкой…» — эти строки из воспоминания разведчика Дунайской флотилии Алексея Чхеидзе.

И вот наступил черед действовать Дунайской флотилии. Стремясь развить успех войск, командующий 3-м Украинским фронтом генерал армии Ф. И. Толбухин приказал начать форсирование Днестровского лимана.

«С большим волнением ожидал я вечерних сумерек, когда надо будет отдать распоряжение о начале движения, — вспоминает С. Г. Горшков. — И как только этот момент наступил, на восточном берегу лимана все пришло в движение. Вот уже шлюпки на воде, и в них молча размещаются морские пехотинцы с оружием, боеприпасами. Приняв назначенные подразделения, катера и шлюпки отходят от берега и исчезают в темноте».

И снова в качестве высадочных средств — лодки, паромы, катера, полуглиссеры, заранее сосредоточенные в лимане. Командующий флотилией на новом театре, в новых условиях пользуется старым, испытанным средством — внезапностью. Форсирование лимана проходило неожиданно, без артиллерийской подготовки, с соблюдением максимальной маскировки.

Враг обнаружил десант, когда до берега оставалось 100–200 метров. Фашисты открыли сильный огонь. Преодолевая сопротивление врага, десантники высадились на берег и захватили плацдарм.

Уже шла высадка первых эшелонов десанта, когда в Днестровский лиман через узкое Царьградское гирло с боем прорвались бронекатера и минометные катера под командованием капитан-лейтенантов С. И. Барботько и В. И. Великого и тральщики, прикрываемые катерами-дымзавесчиками. Обстреляв огневые точки противника в районе Белгород-Днестровского, они приступили к огневой поддержке частей десанта, наступавших с захваченных плацдармов.

Десантники продвигались вперед. Вскоре над древними стенами Белгород-Днестровской крепости взметнулся алый флаг.

В те дни наступления наших войск и ответственных боевых операций командующий флотилией был до предела сосредоточен, собран. Он не упивался победами, настраивал офицеров штаба на оперативные действия, чтобы не дать опомниться врагу.

В условиях стремительных боев командующий флотилией требовал от штаба четкого руководства всеми силами, их взаимодействия. Нередко, приняв решение, контр-адмирал С. Г.

Горшков тут же выезжал в части и разъяснял задачу командирам непосредственно на месте, настраивая моряков на активные действия.

24 августа корабли прорыва под прикрытием торпедных катеров и авиации флота вошли в Килийское гирло Дуная и, подавляя сопротивление противника, начали движение вверх по реке. Преодолев огневое противодействие врага, корабли флотилии заняли города Вилково, Килия, Тулча и ряд других населенных пунктов. Наши бронекатера шли вверх по Дунаю, уничтожая переправы, огневые точки и скопления вражеских сил по обоим берегам реки.

Как отмечают историки, действия Дунайской флотилии по овладению дельтой Дуная отличались стремительными темпами продвижения, быстрым перераспределением сил, умелым ведением самостоятельных операций. Наступление кораблей флотилии было таким быстрым и решительным, что дунайцы часто занимали порты еще до подхода войск 3-го Украинского фронта. Днем 25 августа командующий флотилией доносил в Москву, в Ставку: «Частей армии нет. Прошу уточнить обстановку».

Действия соединений и частей Дунайской флотилии в период освобождения Румынии и Болгарии получили высокую оценку командования. Имя С. Г. Горшкова не раз упоминалось в приказах Верховного Главнокомандующего.

В последние месяцы 1944 года корабли и катера флотилии высадили 20 тактических десантов, осуществили переправу около миллиона войск с вооружением и техникой, очистили от мин 2,5 тысячи километров рек. Они участвовали в освобождении Белграда и Будапешта.

Родина высоко оценила боевые действия Дунайской военной флотилии, наградив ее орденами Красного Знамени, Нахимова I степени и Кутузова II степени.

В январе 1945 года вице-адмирал С. Г. Горшков — новое звание ему было присвоено в сентябре 1944 года — назначается командующим эскадрой кораблей Черноморского флота. В представлении его на эту должность было написано:

«Назначение тов. С. Г. Горшкова на должность командующего эскадрой преследует цель дать боевое ядро флота в руки опытного, решительного и боевого адмирала». Вскоре Сергей Георгиевич прибыл к новому месту службы и сразу же понял всю сложность предстоящей работы. Многие корабли, поврежденные в ходе боев, нуждались в капитальном ремонте. Нужно было восстановить места базирования, а с окончанием войны организовать планомерную боевую и политическую подготовку

личного состава.

В те дни Сергей Георгиевич часто выезжал в места докования кораблей, на заводы, на стоянки кораблей, советовался с инженерами, организуя ремонт кораблей силами личного состава. В напряженных, до краев наполненных флотских буднях наступил день, ставший точкой отсчета дней мира, — долгожданный, неизбежный, завоеванный День Победы.

Закончилась жесточайшая из войн, но еще не один год вся наша страна и военные моряки в том числе залечивали нанесенные фашистами раны.

В первые послевоенные годы вице-адмирал С. Г. Горшков много сил отдает совершенствованию боевого мастерства личного состава, отработке задач, организации боевой учебы с учетом опыта Отечественной войны.

Он хорошо помнил войну.

«Период командования С. Г. Горшковым эскадрой Черноморского флота — это был расцвет его деятельности, — пишет адмирал В. С. Сысоев. — В эти годы на эскадре были выработаны многие принципы морской службы на плавающих соединениях. Достаточно сказать о вошедших в то время в практику боевой подготовки эскадры Черноморского флота, а позже и других флотов системе сбор-походов, практике сдачи экзаменов на самостоятельное управление кораблем, боевой частью, заведованием от матроса до командира корабля и соединения. Нам, служившим в то время на эскадре, было видно, с какой настойчивостью вводил Сергей Георгиевич эти и другие новшества, ставшие потом основой руководящих документов для плавающих соединений. Можно смело утверждать, что эскадра Черноморского флота в то время была образцовым соединением и именно здесь была заложена основа школы морской службы С. Г. Горшкова. Не случайно из состава эскадры Черноморского флота вышли многие видные военачальники, ставшие потом командующими флотами и заместителями Главнокомандующего. Среди них можно назвать таких, как адмирал флота С. М. Лобов, адмирал В. В. Михайлин, адмирал-инженер В. Г. Новиков и другие».

Сергей Георгиевич так охарактеризовал этот период своей службы:

«Четыре года командования эскадрой кораблей флота дали мне хорошую практику в руководстве крупными корабельными соединениями, в проведении больших восстановительных работ на кораблях и в местах базирования, в организации боевой и политической подготовки личного состава, в проведении испытаний новых, послевоенных кораблей и их оружия и

техники».

В ноябре 1948 года вице-адмирал С. Г. Горшков назначается начальником штаба, а в августе 1951-го — командующим Черноморским флотом. Это было не простое выдвижение с одной должности на другую: каждая служебная ступенька готовила его к той высокой миссии, которой ему предстояло посвятить большую часть жизни.

И когда встал вопрос о назначении С. Г. Горшкова Главнокомандующим Военно-Морским Флотом, он вступил в эту должность, имея богатейший опыт руководства крупными силами и в годы войны, и в мирное время. Ему предстояло возглавить флот в тот момент, когда вопрос о дальнейших путях его развития встал особенно остро.

В большом океанском плавании

1

Примерно к середине 50-х годов завершился первый этап развития советского Военно-Морского Флота, который охватывает первое послевоенное десятилетие. На этом этапе строительство флота шло в основном по пути создания эскадр надводных кораблей. По своей структуре флот был прибрежного действия.

Все возраставшая угроза нашей стране с океанских направлений, концентрация сил флотов блока НАТО у наших берегов, безудержная гонка морских вооружений, как обычных, так и ядерных, выдвинули вопрос о надежной защите морских рубежей Советского Союза.

Примерно с середины 50-х годов в соответствии с решением партии и правительства в нашей стране начались крупные работы по созданию мощного океанского ракетно-ядерного флота. Этим было положено начало второму этапу в развитии советского Военно-Морского Флота.

Каким должен быть флот? Таким, как флоты великих морских держав, или коренным образом отличаться от них? Что должно лежать в его основе? Какие силы должны определять его мощь? Каковы основные направления развития флота?

Поиску ответов на эти вопросы было подчинено многое в деятельности Главкома ВМФ. На ответственных флотских совещаниях Сергей Георгиевич напоминал своим заместителям, что при составлении предложений надо опираться на результаты крупнейших научно-технических достижений, в особенности в области создания ракетного оружия, атомной и газотурбинной энергетики.

«Сергей Георгиевич при подготовке и обсуждении предложений, — рассказывает Герой Социалистического Труда адмирал П. Г. Котов, — на всех уровнях заботился и настойчиво добивался создания кораблей с учетом опыта войны, современного уровня развития науки и техники, исходя из задач Военно-Морского Флота и противостоящих ему сил вероятного противника. Он многое делал для того, чтобы научные исследования в интересах развития кораблей, оружия и техники проводились непрерывно. В эпоху научно-технической революции, когда наука и техника развиваются быстрыми темпами, Главком придавал особое значение вопросам прогнозирования развития флота, научному руководству

строительством флота. В дальнейшем он требовал от нас учитывать первый опыт дальних плаваний кораблей, который оказал существенное влияние на такие элементы, как надежность, мореходность, автономность, дальность плавания, обитаемость кораблей и т. д.».

Понимание ответственности, выпавшей на его долю, заставляло С. Г. Горшкова действовать осмотрительно. Выдержав испытания на прочность и в годы войны, и в мирное время, он, неторопливый в решениях всегда, в те дни был особенно сдержан и больше выслушивал других, чем говорил сам. После шумных совещаний и заседаний, прохаживаясь по своему просторному кабинету, Сергей Георгиевич подводил итоги раздумьям.

То было время дискуссий как в нашей стране, так и за рубежом — дискуссий о влиянии ядерного оружия на характер войны на суше и на море. Высказывались крайние взгляды, сводившиеся к отрицанию роли отдельных видов вооруженных сил, систем вооружения. Отрицалась даже возможность флотов действовать в море, а следовательно, и его необходимость для страны. Но жизнь подтверждала другое.

Сергей Георгиевич подходил к карте. Кто окружает нас, нацеливает против нас свои силы? Коалиция морских держав, располагающих мощными современными флотами. И прежде всего — авианосными силами. В то время флот США насчитывал в своем составе 14 многоцелевых авианосцев. На этих кораблях находилось до 1500 самолетов — носителей ядерных средств.

Как развиваться дальше советскому флоту? Быть может, нам следует идти своим, самобытным путем, строить корабли и самолеты, которые бы отвечали современным требованиям защиты Отечества с океанских направлений?

Обдумывая этот основополагающий вопрос, Главком снова и снова возвращался мысленно к истокам российского флота.

Опыт строительства русских кораблей — от первого подводного корабля крестьянина Никонова, ботика Петра до лучших кораблей Отечественной войны — та путеводная звезда, которая может определить курс строительства океанского отечественного флота. Искусством русских кораблестроителей создавались во все времена корабли оригинальных конструкций в духе времени. Петровские галеры, парусные фрегаты, пароходы, броненосцы — славные вехи отечественного кораблестроения. Они сочетали в себе силу, скорость, красоту. Но при всем том русские моряки, сражавшиеся на этих кораблях при Гангуте, Корфу, Синопе, Цусиме, на Баренцевом и Черном морях в Отечественную войну, всегда мечтали о флоте будущего, который еще более прославит Отчизну.

Все чаще в памяти Сергея Георгиевича всплывали суровые годы войны, когда особенно остро ощущался недостаток кораблей, и при высадке десанта в районе Григорьевки, и позднее, в Керченско-Феодосийской операции, когда он с болью в сердце смотрел на маленькие суденышки, направлявшиеся к вражескому берегу, которые нещадно трепал шторм…

Начало нового этапа развития отечественного флота — этапа создания и развития советского океанского атомного флота — связано с появлением в Советских Вооруженных Силах ядерного оружия и ядерной энергетики.

Именно тогда возник и такой вопрос: каким кораблям отдать предпочтение? Сам Сергей Георгиевич все время служил на надводных кораблях, но он хорошо знал, что в первой и второй мировых войнах подводные лодки зарекомендовали себя как род сил военно-морского флота, способный активно действовать в океанах и морях и успешно решать важные задачи.

На одном из ответственных совещаний Главком высказался за строительство современных подводных лодок. Один из его заместителей возразил:

— Надо иметь в виду, что в ходе минувшей войны потери подводных лодок были велики. Надводные корабли союзников уничтожили более трети лодок гитлеровской коалиции. И сейчас имеются эффективные силы противолодочной борьбы.

Тогда Сергей Георгиевич, убежденный в своей правоте, поставил вопрос так:

— Нужно с помощью точных научных расчетов изучить, смогут ли подводные лодки, несмотря на постоянное совершенствование средств противолодочной обороны, достичь стратегических целей в войне на море.

Вскоре научные исследования подтвердили высокую эффективность подводных лодок при правильном их использовании и надлежащем боевом обеспечении.

Появление атомных подводных лодок положило начало созданию мощных подводных сил, способных решать стратегические задачи в океане.

Кое-кто из ученых, ссылаясь на крупные империалистические державы, имевшие огромный надводный флот, утверждал, что нашей стране надо догонять их.

Сергей Георгиевич высказал свое мнение твердо:

— Чтобы нам сравняться в силах с крупнейшими державами по основным классам надводных кораблей, потребуются долгие годы, огромные материальные средства.

Как известно, в ходе борьбы мнений в мировом подводном кораблестроении определились два направления: создание

новейших подводных ракетоносцев, носителей мощных дальнобойных ракет, и многоцелевых атомных подводных лодок, способных выполнять весьма широкий круг боевых задач.

Впоследствии сформировались и такие направления в развитии флота: вооружение флота авиацией дальнего действия — океанской авиацией, качественное изменение средств борьбы с подводными лодками, использование разнообразных средств радиоэлектроники, автоматизации, а также математических методов исследования с применением электронно-вычислительных машин.

Со временем С. Г. Горшкова все больше занимает мысль о сбалансировании флота, преимущественном развитии тех родов сил, которые способны наиболее эффективно решать основные задачи, стоящие перед флотом. Такими силами являются атомные подводные лодки и морская ракетоносная авиация.

Именно они могут сконцентрировать в себе огромную ударную мощь, обладать высокой мобильностью, скрытностью действий и способностью наносить удары по важным центрам. Предпочтение, отдаваемое развитию подводных лодок и морской авиации, не только не исключало, а, наоборот, предполагало согласованное развитие других родов сил флота, и, конечно, надводных кораблей для решения свойственных им задач.

Идея Главнокомандующего Военно-Морским Флотом СССР о сбалансировании флота была обсуждена в самых высоких инстанциях. Партия и правительство утвердили генеральный курс в строительстве флота, наметили пути достижения целей, определили людей, ответственных за выполнение намеченного курса. Людей деятельных, грамотных, преданных флоту, своему делу.

2

Сергей Георгиевич Горшков в каждый определенный момент стремился четко выделить главное звено в создании нового флота. В самом начале центр тяжести пришелся на проектирование новых кораблей. В проектах новых лодок находили применение последние достижения техники мирового кораблестроения.

При встречах с конструкторами Главком подробно расспрашивал о ходе работ, вникал в характеристики новых лодок. Главное, чего требовал он от ученых, конструкторов, — это обеспечить скрытность действий подводных лодок, способность находиться в подводном положении практически в течение всей

автономности, достигать большой глубины погружения, плавания на малошумных ходах, оснащения необходимым мощным оружием.

Конструкторы искали, мучились и подчас все начинали сначала. Главком все чаще бывал в конструкторском бюро.

Он твердо добивался создания лодок, сочетающих в себе большую ударную мощь, высокую мобильность и способность действовать в глобальных масштабах. После одного из таких посещений Сергей Георгиевич записал:

«Современный боевой корабль — это сложнейшее сочетание технических устройств, систем и комплексов, являющихся самыми последними достижениями науки, инженерной мысли и производства. Это ядерная энергетика, газовые и паровые турбины с большой удельной мощностью, стратегические и оперативно-тактические ракеты, самонаводящееся подводное оружие, автоматическая артиллерия, техника, обеспечивающая комплексную автоматизацию процесса управления, прецизионная штурманская аппаратура, сложнейшие гидроакустические и радиолокационные комплексы и др.».

Новые корабли рождались в муках творчества и вдохновения. В плавных обводах и вместе с тем стремительных очертаниях они вмещали в себе и надежду, и мечту, и смелость. Они воплощали в себе и новейшие научные достижения нашего времени, и опыт кораблестроителей прошлого. Кроме скорости, глубины и оружия новейшие подводные лодки покоряли человека красотой. С давних времен — с эпохи парусного флота — корабли были произведением искусства. Но достичь этого всегда трудно.

При проектировании и строительстве новых атомных лодок, надводных кораблей ломались старые нормы, взгляды и решались невиданные ранее инженерные и конструкторские проблемы. Это, в свою очередь, потребовало создания новых марок сталей и технологического оборудования, что в конечном счете позволило справиться со сложными задачами.

То было время героических свершений. Труд всех — и конструкторов, и инженеров, и рабочих — был сродни подвигу. Люди трудились не жалея ни сил, ни времени. Рабочие не выходили из цехов, ученые — из лабораторий. К этому их вынуждала обстановка. Из-за океана то и дело раздавались угрозы. Советские люди понимали: словами поджигателей войны не уймешь. Нужно противопоставить им силу. Сейчас, оглядываясь на тот период, многие поражаются: новые корабли рождались в немыслимо сжатые сроки, но рождались не в ущерб качеству.

3

В тот период Главком не знал отдыха. Его касалось все: и окончательная отделка проекта, и проверка модели, и поставки узлов, комплектация, испытания и сборка на стапеле. Одна проблема влекла за собой другую. Требовались высочайшая организация, тщательная согласованность и осмотрительность.

Столь необычное, новое дело, как строительство атомных лодок, требовало изменений и в других сферах военного дела. Приезжая на завод, спускаясь в отсеки, Сергей Георгиевич осматривал не только новую аппаратуру, приборы, установки, он смотрел в перспективу: не нынче завтра корабли сойдут со стапелей. Нужно быть готовыми их принять, эксплуатировать.

Флоту в ближайшее время понадобятся кадры, современные тактика, стратегия. И теоретическое осмысление не только опыта войны, но и новых приемов действий.

Вернувшись с полигона, Главком дал задание начальникам управлений кадров и военно-морских учебных заведений продумать систему подготовки кадров для атомных лодок и подобрать кандидатов на должности командиров первых лодок.

Через некоторое время Главкому доложили соображения по поводу первых кандидатов на должности командиров атомных лодок, назвали имена.

Сергей Георгиевич выслушал, задумался, потом сказал:

— К подбору командиров первых атомных лодок нужно подходить с такой же меркой, как к подбору космонавтов. Обсуждать их кандидатуры всесторонне, чтобы они были не только прекрасными специалистами, грамотными моряками, а, главное, партийными и государственными людьми по самому высокому счету.

Подумав, Главком добавил:

— Попрошу всех офицеров, представляемых на должности командиров новых кораблей, вызывать на беседу ко мне.

Об одной из первых таких бесед рассказал Герой Советского Союза вице-адмирал А. И. Сорокин — тогда еще мало кому известный капитан 1-го ранга:

«Сергей Георгиевич Горшков долго, вникая в мельчайшие детали, расспрашивал меня о службе. Я отвечал, но никак не мог понять, чем вызвано такое пристальное внимание Главкома к простому командиру лодки. Правда, дела на нашем корабле шли вроде бы неплохо. Но разве мало таких и еще лучших кораблей в Военно-Морском Флоте страны! И вдруг неожиданно, чуть понизив голос, Главком спросил — А вы не хотели бы покомандовать атомными? — Атомными лодками? Но атомных

лодок, насколько я знаю, у нас нет… — Вы так думаете? — улыбнулся Сергей Георгиевич. — А все-таки в принципе как? — Атомные лодки — мечта каждого подводника. — Значит, решено. Отправляйтесь в Н., — Главком назвал один из дальних приморских городов Союза. — Вначале познакомитесь с лодкой на стапеле. А потом — в добрый час, как говорят… Но прежде всего вам нужно твердо понять, что вы будете стоять у истоков рождения нового подводного флота. Свершается военно-техническая революция, участником и свидетелем которой вы будете…Через несколько дней я вылетел к месту нового назначения. Там я впервые и вступил на борт советской атомной подводной лодки».

Каждый шаг в строительстве и освоении новых подводных лодок вошел в историю. Первый экипаж прибыл на лодку, когда она напоминала макет корабля в разрезе. Бессчетные трубы и трубки, провода всевозможных форм и расцветок переплетались замысловатыми клубками. Установки, приборы разных предназначений дополняли общую картину.

Моряки вместе с рабочими устанавливали, монтировали аппаратуру и одновременно глубоко, до винтика постигали устройство своего новейшего корабля.

Наступил спуск лодки на воду — звездный час флота. На завод прибыл Сергей Георгиевич Горшков. Он осмотрел атомного первенца, испытывая смешанные чувства. Сколько различных поисков, споров, волнений, всяких ожиданий осталось позади…

И вот перед ним совершенная, гармоничная, фантастически красивая атомная лодка. Событие, переворот в истории флота.

Глядя на плавные обводы лодки, на ее необычную рубку, Главком задумался. Не о таком ли корабле мечтали русские инженеры-кораблестроители разных времен: И. Я. Осминин, создавший бриг «Меркурий», И. А. Амосов, построивший первый в России винтовой фрегат «Архимед», один из талантливейших конструкторов надводных и подводных кораблей И. Г. Бубнов, создатель первой в мире подводной лодки «Дельфин», М. М. Окунев, В. И. Афанасьев, В. П. Костенко, академик Ю. А. Шиманский?..

При спуске лодки все было как будто обычно и в то же время все испытывали огромное волнение, в полной мере осознавая, что начинается новый отсчет времени в жизни подводных сил.

Гигантская субмарина, разорвав ленточку, заскользила к воде. При соприкосновении с водной гладью тысячи брызг взметнулись в небо… Атомная лодка закачалась на воде. Несколько минут спустя над ней взвился флаг — его вручил экипажу Главком как символ славы нового флота.

Флаг был вручен экипажу в 19 часов 50 минут по московскому времени — солнце уже прикоснулось к кромке горизонта. Сергей Георгиевич с некоторым беспокойством взглянул на часы: через пять минут флаг надо спускать — согласно корабельному уставу его положено спускать с заходом солнца.

— Как быть, товарищ Главнокомандующий? — робко спросил командир лодки.

Адмирал на мгновение задумался, а потом решительно сказал:

— Что же, в конце концов уставы создают люди. И не все в уставах можно предугадать. Бывают же, наконец, исключительные ситуации, — и он повернулся к командиру: — Разрешаю спустить флаг на час позже установленного времени.

И еще целый час широкое алое полотнище реяло на ветру, как бы открывая этим ярчайшую страницу в истории современного военно-морского флота.

4

Новое всегда с трудом пробивает себе дорогу, на пути его часто встречаются тернии, препятствия. Нового опасаются, его порой окружают дымкой недосказанности. Еще в Москве Главнокомандующему доложили, что у некоторой части подводников есть сомнение относительно безопасности плавания на атомной лодке. Тогда Сергей Георгиевич не поверил. И вдруг он сам услышал на подводной лодке такой разговор:

— И все же опасно ходить на этой лодке.

Другой голос возразил:

— Почему же? Все проверено. Конструктор с лодки не вылезает.

— Так-то оно так… Но дело новое. На старых лодках было как-то надежнее. А тут ходишь и думаешь — а может, где радиация появится?..

Главком сказал командиру лодки:

— Такие разговоры не менее опасны, чем сама радиация. Надо менять отношение к атомному флоту у всех категорий личного состава.

Главком выступил перед экипажем корабля и подробно рассказал о многочисленных испытаниях подводной лодки, о неоднократных замерах радиации, о безопасном плавании на ней.

Когда атомная лодка была готова к походу, Главнокомандующий объявил:

— Я сам пойду на лодке в первый поход. Главкому возразили:

— Испытания есть испытания, товарищ адмирал. Главкому нет необходимости участвовать в них.

— Есть такая необходимость. Пусть люди знают, что с ними идет Главком.

Ночью лодка отдала швартовы. На ее борту находилась большая группа ученых во главе с конструктором, Главнокомандующим. Командовал лодкой капитан 1-го ранга Л. Г. Осипенко.

Нет, не только развеять ошибочные опасения у части подводников хотел Сергей Георгиевич. Еще большим было желание самому вникнуть во все, узнать на месте, как говорится, из первоисточников.

Как поведет себя лодка в море? Что покажут сложнейшие устройства? В таком большом деле, как испытания, все может быть. Ведь известен такой факт: когда американский «Наутилус», совершая плавание подо льдами Арктики, пытался всплыть, вахтенный не заметил льдину. В результате лодка потеряла оба свои перископа.

Во время испытания новой лодки в море Главком вникал во все. Он требовал обстоятельных докладов и сам расспрашивал о подробностях, спускался в отсеки и на месте выяснял качество работы агрегатов.

В людях Сергей Георгиевич был уверен. Они выдержат, не подведут. Но техника есть техника, хотя она тоже прошла все испытания.

И вот главный конструктор удовлетворенно доложил:

— Все в порядке. Реактор действует отлично. Выведен на полную мощность.

Главнокомандующий внешне спокоен. Все идет нормально. Скорость лодки приближается к скорости курьерского поезда. Идя такой скоростью, лодка практически может оставаться под водой длительное время. Атомный реактор исключает проблему горючего, специальные аппараты — проблему воздуха и воды.

И вот следует итоговый доклад:

— Корабль маневрирует отлично. Замечаний по работе приборов и установок нет. Расчетные скорости и глубины взяты. Можно считать, испытания проведены успешно.

Главком обернулся к главному конструктору, обнял его:

— От всей души поздравляю.

В то время еще не все могли в полной мере оценить происшедшее. Многое было обыденным. Первопроходцев атомных подводных лодок встречали скромно, хотя от этого значение события не умалялось, а со временем засияло всеми гранями.

Ночью в Москву ушло сообщение, подписанное Главнокомандующим Военно-Морским Флотом СССР:

«Испытания прошли успешно. Первенец стал на ноги».

Это сообщение срочно передали в Центральный Комитет партии и Совет Министров СССР.

5

Родился подводный корабль, обладавший невиданной дальностью, скоростью и глубиной погружения. Что делать дальше? Очень скоро Главкому стали предлагать разные варианты первых походов, столь же невиданных и заманчивых. Сергей Георгиевич внимательно выслушивал такие предложения и спокойно улыбался:

— Не спешите. Рановато еще. Не следует опережать события. Когда будем твердо убеждены в абсолютной надежности новой лодки, дадим «добро» на сложные походы.

Снова и снова от причалов отходили необычные субмарины, брали курс в море, и с каждым походом крепла уверенность в безотказности отечественной техники.

Настал день, когда Сергей Георгиевич вызвал командира новой атомной лодки Аркадия Петровича Михайловского. После обстоятельной беседы Главком спросил:

— Как вы смотрите на возможность длительного похода?

Глаза Михайловского загорелись:

— Экипаж, лодка готовы к выполнению такого задания.

— Поход предстоит ответственный во всех отношениях. Важно проверить не только технику, но и изучить состояние людей в подобных ситуациях. Надо организовать глубоко продуманные наблюдения, чтобы понять, как скажутся на личном составе нагрузки — и физические, и моральные, и психологические. Словом, готовьтесь наблюдать, исследовать, делать выводы, находить решение мало изученных проблем.

Вскоре лодка под командованием капитана 2-го ранга А. П. Михайловского взяла курс в Атлантический океан. Навигационная электронная аппаратура фиксировала: хребет Рейкьянес у Исландии, разлом Флемиш и подводный пик Майли, Севере-Американскую котловину и котловину Гаттераса, пик Крылова у островов Зеленого Мыса.

Лодка бесшумно разрезала призрачную зеленую толщу воды и стремительно скользила в неведомых далях. Подводники, уже привычные к железному ритму — круговороту вахт, событий, к незримым силам, скованным в глубине установки, —

прокладывали новые пути в управлении кораблем. Командир лодки был доволен: плавание проходило успешно.

А за тысячи миль от первопроходцев, на земле, в своем знакомом многим подводникам кабинете часто подходил к карте человек невысокого роста и задумчиво всматривался в притягивавшие его взгляд точки, через которые пролегал не один раз продуманный маршрут. Главнокомандующий был более других ответствен за этот экспериментальный поход. И он прежде всего думал о людях. Новые атомные лодки, уже испытанные в походах, пусть кратковременных, не вызывали сомнений, но как выдержат необычность ситуации люди? В таком дальнем походе на атомном корабле они держали экзамен впервые. Приезжая на службу и уезжая домой, Главком неизменно обращался в мыслях к экипажу Михайловского.

Волнения улеглись, когда лодка пришвартовалась к родному причалу. В телеграмме командиру лодки Главнокомандующий Военно-Морским Флотом писал:

«Поздравляю Вас и личный состав корабля с успешным окончанием дальнего похода в Атлантический океан, в течение которого в сложных условиях длительного плавания личный состав проявил высокое мужество и замечательную выучку, тем самым обеспечив выполнение важного задания. Опыт Вашего плавания послужит ценным вкладом в дальнейшее развитие и совершенствование советского подводного флота. Одновременно поздравляю Вас, товарищ Михайловский, с присвоением воинского звания…»

Преодолен еще один рубеж в эпохе атомного флота. На очереди были новые задачи.

На огромном глобусе, стоявшем в кабинете, особенно четко вырисовывалась вершина земли. Вспоминалось, как еще в училище он неоднократно слышал от преподавателя навигации Н. А. Сакеллари о давнишней мечте русских людей достичь Северного полюса. Карту Арктики украшают русские имена… Хорошо помнил Главком и слова адмирала Макарова. Возвращаясь домой после заседания в Географическом обществе, еще зимой 1892 года, Степан Осипович сказал своему спутнику Ф. Ф. Врангелю: «Я знаю, как можно достигнуть Северного полюса, но прошу вас об этом пока никому не говорить: надо построить ледокол такой силы, чтобы он мог ломать полярные льды…»

Минули десятилетия. Дерзновенная мечта о покорении Северного полюса стала реальностью. Главкома, естественно, интересовало, как поведут себя в условиях ледового плавания современные атомные подводные лодки. Обдумывая

это, Сергей Георгиевич снова советовался с учеными, специалистами, командующими флотами.

Когда, казалось, все было продумано до мелочей, он вышел в вышестоящие инстанции с предложением об арктическом походе.

Необычное предложение еще раз изучалось. Главкома попросили доложить о мерах, исключающих всякие неожиданности.

Сергей Георгиевич, не торопясь, излагал свои соображения. Он говорил по памяти, аргументируя свои доводы подробными выкладками, обстоятельными наблюдениями, точными историческими сведениями, продуманными мерами. Сообщение Главнокомандующего явилось глубоким научным докладом, и это было не случайно: проблемы освоения океана, международно-правовые вопросы, слагаемые морской мощи государства были предметом научных изысканий Главнокомандующего. Человек, облеченный огромной ответственностью, руководивший видом вооруженных сил, ограниченный до предела во времени, занимался научными изысканиями, имеющими большое значение для отечественной науки.

Главком изложил вопрос, и тут же последовал другой, который ко многому обязывал:

— Вы гарантируете, что поход к полюсу будет успешным?

Главнокомандующий ответил лаконично:

— Да, гарантирую.

В дни подготовки к новому походу С. Г. Горшков был по-особому собран, энергичен. Все рассчитано, все спланировано. Перед тем как отдать приказ о походе, Главком вылетел в ту базу, где стояла, приткнувшись к пирсу, атомная лодка «Ленинский комсомол». Еще никто на подводном корабле не знал о цели и особенностях похода. Сергей Георгиевич беседовал с командирами, офицерами, матросами, прошел по отсекам, дал ряд указаний командованию флота и уже перед тем, как покинуть базу, сказал:

— Готовьтесь к ответственному походу.

Перед походом на лодке побывала компетентнейшая комиссия из специалистов разных управлений Главного штаба ВМФ. Надо было исключить всякие неожиданности. Ведь у американцев трижды срывалась сама попытка пройти под полюсом, хотя американские моряки выбрали и облегченную обстановку, и наиболее благоприятное для всплытия время года.

Судьбу и этого исторического похода будут решать люди. Сергей Георгиевич представил себе одного, другого — он знал их хорошо. Один — смоленский, другой — рязанский. Все — специалисты высочайшего класса. Отцы у большинства —

участники войны.

Многое будет зависеть от старшего. Старшим на лодке пойдет командир соединения атомоходов контр-адмирал А. И. Петелин — опытный подводник, беспокойный по натуре. Командир лодки капитан 2-го ранга Л. М. Жильцов — офицер аккуратный, исполнительный, а главное, обязательный. Командир электромеханической боевой части Р. А. Тимофеев — мастер своего дела. Сергей Георгиевич, представив их в который уже раз, внутренне успокоился: все они производили хорошее впечатление.

И вот, кажется, все предусмотрено, все отработано, проверено, но Главком не спешил: лишь еще раз убедившись лично в готовности, назначил день выхода, а после еще одного доклада об окончательной готовности к выходу в море указал час выхода.

В тот день и час, когда лодка снималась со швартовов, Главком то и дело посматривал на часы, мысленно провожая экипаж. Вот сейчас лодка отошла от пирса, вот она прошла боковое заграждение, вот вышла в море…

В дни штурма Северного полюса Сергей Георгиевич, как всегда в сложные моменты, сохранял выдержку и спокойствие — как и во время высадки десанта у Григорьевки, Керченско-Феодосийской десантной операции, испытании первых атомных. Главное, сохранять спокойствие в любой обстановке, какой бы трудной она ни была.

Каждое донесение с «Ленинского комсомола» тотчас докладывалось Главкому. Сергей Георгиевич выслушивал доклады, ничем не выказывая своего волнения, хотя, конечно, как руководитель, ответственный за этот поход, небывалый и сложный, он волновался.

Главнокомандующий отчетливо представлял трудности плавания во льдах. Достичь полюса, точно всплыть в полынье — это сложнейшая задача.

Мысленно он все чаще был с экипажем, на расстоянии тысячи километров от Главного штаба ВМФ, в безбрежном пустынном пространстве, где поземка заносит образовавшиеся прогалины…

Медленно движется лодка под толстыми паковыми льдами. До полюса — один градус. Корабль пересек 89-ю параллель. Над атомоходом — льды многометровой толщины. Под ней — 4000 метров. Лаг отсчитал последние мили, и вот он, Северный полюс.

Можно всплывать.

Но тут командир увидел на экране льдину, наползающую справа.

— Прекратить всплытие!

Найдена другая полынья. Но в перископе — по носу и по корме — нагромождение торосов. И наконец, при третьей попытке, когда разводье оказалось большим, всплыли. Брызнули веселыми осколками льдины…

«Ленинский комсомол», достигнув подо льдами Северного полюса, открыл еще одну новую страницу в истории отечественного подводного атомного флота.

Получив донесение с полюса, Сергей Георгиевич подготовился к подробному докладу.

Всплытие атомной лодки в районе Северного полюса — это достижение, которое возвеличивает национальную гордость страны. Это выдающаяся победа ученых, конструкторов, инженеров, рабочих. И умалять значение этого похода нельзя. Беседуя с членом Военного совета — начальником политуправления ВМФ адмиралом В. М. Гришановым, Главнокомандующий высказал предложение о широкой пропаганде исторического похода к Северному полюсу. А в докладе, представленном в руководящие органы, внес предложение о награждении участников похода, о достойной встрече экипажа подводной лодки. Предложения были приняты.

Накануне возвращения атомной подводной лодки в базу на Северный флот прибыли руководители партии и правительства. Принимая высоких руководителей, показывая им подводную лодку, военный городок, Сергей Георгиевич стремился дать представление о современном флоте, его жизни и службе.

Честь флота, приумножение его традиций — предмет особой заботы Адмирала Флота Советского Союза С. Г. Горшкова.

Пребывание руководителей партии и правительства на Северном флоте, вручение подводникам высоких наград, чествование первых Героев Советского Союза, осмотр и посещение баз флота стали толчком к широкой пропаганде современного флота, воспитания моряков на новых победах и традициях. И пример в этом задал сам Главнокомандующий. Он, не считаясь со временем, в своих выступлениях по радио, телевидению, в печати не уставал рассказывать о достижениях современного флота.

6

Находясь на Северном флоте, Сергей Георгиевич подолгу беседовал с членами экипажа, в особенности с руководителем похода контр-адмиралом А. И. Петелиным, командиром атомной лодки капитаном 2-го ранга Л. М. Жильцовым и командиром

электромеханической боевой части инженер-капитаном 2-го ранга Р. А. Тимофеевым. Темы бесед были важными. Насколько освоены наши подводные лодки, что выявил поход к Северному полюсу?

Мнение было общим: отечественные атомные подводные лодки превосходны — они могут длительное время находиться в океане в подводном положении, совершать при этом дальние переходы большими скоростями, сближаться с быстроходными надводными кораблями, выполнять другие сложные задачи. Наши моряки твердо освоили их.

Сергей Георгиевич, слушая подводников, почти каждому задавал вопрос о специальной подготовке молодых офицеров. И Жильцов, и Тимофеев отметили высокую выучку выпускников училищ.

— Конечно, училища дают основы знаний. Но настоящая учеба начинается на лодке. Здесь молодой офицер начинает познавать реактор, ракету, электронную аппаратуру.

Главком не впервые слышал о том, что военно-морские училища дают основы знаний, но не дают того, что необходимо в первую очередь молодому офицеру, — глубокие инженерные знания, навыки использования новейшей техники.

Вскоре в планы и программы военно-морских училищ были внесены серьезные коррективы, направленные на подготовку будущих офицеров по командно-инженерному профилю с пятилетним сроком обучения. Это была сложная задача. История не знала подобных прецедентов, когда в одном лице готовили специалистов одновременно для командных и инженерных должностей. Но таково было требование времени.

В тот период Главком нередко посещал военно-морские училища, обсуждая с преподавателями пути и средства коренного улучшения подготовки будущих офицеров. При каждом посещении флотов, кораблей Главком подробно интересовался службой выпускников училищ и, возвратившись в Москву, давал военно-морским училищам новые советы.

На выпускном вечере своего родного училища имени М. В. Фрунзе, на других встречах с выпускниками Главком всегда подчеркивал, как велика роль командира корабля — главной фигуры на флоте. Ему предоставлены большие права, обязанности и власть. Он несет всю ответственность перед партией и народом за вверенный ему боевой корабль и умелое его использование, за судьбы подчиненных людей, за вооруженную защиту Родины.

Для воспитания твердых, волевых, подлинных командиров на флоте сложилась стройная система подготовки командиров кораблей. Важное место в ней занимают Военно-морская

академия, высшие специальные офицерские классы, научно-практические конференции, дальние походы и личное инструктирование старших начальников.

Прибывая на флот, С. Г. Горшков, как правило, выходил на корабле в море, присматривался к командиру, к его практике управления кораблем. Многие командиры хранят в памяти добрую его школу.

Однажды Сергей Георгиевич вышел в море на крейсере «Свердлов». Выполнив задачу, крейсер возвращался в базу, акватория которой и в спокойную-то погоду весьма стесняла маневрирование такого корабля при сильном шторме. Главнокомандующий ВМФ спросил командира крейсера:

— Вы швартовались когда-нибудь в таких условиях?

— Не приходилось.

— А сможете?

— Смогу.

И Главком, зная этого командира, вполне удовлетворился его ответом. Сергей Георгиевич предоставил ему полную свободу и самостоятельность и не старался его стеснять. Капитан 1-го ранга В. Колондырец, командир крейсера, ошвартовался в шквальный ветер так, будто делал это десятки раз.

Посещая флоты, проводя совещания с командирами, Главком всегда с радостью и большим удовлетворением отмечал, как богат флот способными командирами, которым по плечу любые задачи. В арктических и экваториальных плаваниях, при решении сложных учебно-боевых задач они демонстрировали высокую специальную подготовку, преданность идеалам коммунизма.

7

Современные новейшие корабли, молодые квалифицированные кадры открывали перед флотом широкие перспективы новых плаваний и открытий.

В 1963 году Сергей Георгиевич высказал мысль о новом походе к полюсу, в котором экипажу подводной лодки предстоит решить ряд научных заданий и не просто всплыть в полынье, а именно там, где все координаты равны нулю.

Старшим похода предлагался командующий Северным флотом адмирал В. А. Касатонов. Честь всплыть точно на Северном полюсе выпала атомной лодке, которой командовал капитан 2-го ранга Ю. А. Сысоев.

В свое очередное посещение Северного флота Сергей Георгиевич побывал на лодке, обсудил детали похода с

Владимиром Афанасьевичем Касатоновым, встретился с членами экипажа. Беседуя с В. А. Касатоновым, Сергей Георгиевич пошутил:

— Ну, давай, покажи, на что способен наш девятый выпуск.

Адмиралы понимали друг друга с полуслова. Выпускники девятого выпуска, они хорошо знали, где и как несут службу их однокашники.

— Надо держать честь нашего выпуска. С нас спрос велик, — заключил уже серьезно Главком.

Во второй половине сентября 1963 года атомная подводная лодка покинула базу. Экипажу предстояло всплыть точно на широте 90 градусов. На корабле были впервые установлены новейшие гидроакустические и гидрологические системы и комплексы, другая техника.

29 сентября 1963 года могучий атомоход всплыл в точке, где все координаты равны нулю, где любое направление — южное.

Вскоре на ледяной «шапке» земли на ледяных торосах затрепетали флаги — Государственный и Военно-морской.

Сергей Георгиевич вылетел на флот, чтобы выполнить почетное поручение Президиума Верховного Совета СССР — вручить высокие награды подводникам.

Выступая в Доме офицеров, Главком подчеркнул:

— Мы, представители старших поколений военных моряков, участники Великой Отечественной войны, испытываем чувство глубокого уважения к нынешним молодым воинам. Наша Родина поручила им защищать свои рубежи, свою безопасность, мирный труд народа, и они это почетное поручение выполняют с честью.

После вручения наград Сергей Георгиевич, верный своему правилу, беседовал с участниками похода. Речь шла о работе сложнейших установок, систем и механизмов.

Главком внимательно слушал отзывы специалистов. Два похода атомных подводных лодок давали богатейший научный материал. Напрашивался вывод о дальнейшем совершенствовании этого поколения подводных лодок, об оптимальном сочетании таких элементов, как боевая мощь, автоматизация, скорость хода, глубина погружения, автономность, условия обитаемости.

Слушая подводников, Главком думал: как будут действовать эти установки в разных температурных режимах, как проверить взаимодействие, связь, управление, тактические приемы и способы использования подводных — лодок совместно с другими кораблями? В сознании Главкома все больше зрела мысль о групповом подводном кругосветном плавании атомных подводных лодок. Он все чаще вспоминал слова М. В.

Ломоносова: «Один опыт я ставлю выше, чем тысячу мнений, рожденных только воображением».

Опыт и наблюдение — таковы величайшие источники мудрости, доступ к которым открыт для каждого человека.

В начале 60-х годов Сергей Георгиевич Горшков еще более настойчиво занимался научными изысканиями в области военно-морского искусства и современной морской тактики. Большой материал для этого давали дальние походы пока одиночных кораблей. Жизнь ставила вопрос о групповом плавании кораблей.

Некоторое время спустя С. Г. Горшков получил разрешение на групповое кругосветное плавание.

Опять беспокойные ночи, консультации, проверки, беседы. Прибыв в отдаленную базу, Сергей Георгиевич снова обстоятельно обсуждал предстоящий поход с контр-адмиралом А. И. Сорокиным — руководителем похода. Метод подготовки к походу вытекал из поставленных задач. Поход планировался в обычных условиях со штатным личным составом. Чуть строже был только медицинский осмотр, и все равно ни один моряк не был отстранен от похода.

Февральской ночью 1966 года корабли отряда вышли в море. В их составе были лодки различных типов. В походе решался ряд новых практических задач: проверялась техника, велись исследования Мирового океана — делались замеры плотности и солености, температуры воды, скорости и направления подводных течений. Маршрут похода был составлен с таким расчетом, чтобы пересечь все климатические пояса, пройти экваториальные зоны и моря, прилегающие к далекой и суровой Антарктиде.

«День за днем продолжалась отработка поставленных задач, — вспоминает А. И. Сорокин. — Отряд следовал в разомкнутом строю, иногда рассредоточивался, чтобы в назначенный срок встретиться под водой в назначенном месте. Иногда возникали совершенно неожиданные трудности. Так, однажды, придя в точку встречи, мы вместо сигналов гидроакустической аппаратуры наших подводных лодок услышали невероятный шум, писк, какие-то трели… Оказывается, мы попали в район, где собралось множество китов, и они заволновались, обнаружив такого огромного «собрата», как наша подводная лодка».

Весенним мартовским днем лодки ошвартовались у родных берегов.

С трибуны Дворца съездов, где проходил XXIII съезд партии, торжественно прозвучало:

— Несколько дней назад успешно закончен кругосветный поход группы атомных подводных лодок в подводном положении.

Делегаты съезда бурно аплодировали участникам штурма подводного космоса.

Родная земля тепло встречала первопроходцев подводных глубин. Поднявшись на палубу, ступив на бетон причала, подводники восторженными глазами смотрели окрест — на голубое небо, на зеленеющие сопки, на прилепившиеся к уступам гор домики. На земле экипажи подводных кораблей встретились: весь путь они шли вместе, но не виделись и теперь радостно обнимали друг друга.

Подводя итоги похода, Главнокомандующий отметил, что советские атомные подводные лодки показали свои прекрасные мореходные качества и под вековыми льдами Северного полюса, и в тропических широтах. За выдающиеся подвиги, умелое использование техники многие подводники в мирные дни награждены боевыми орденами и медалями. Более 20 человек были удостоены высокого звания Героя Советского Союза, в их числе А. И. Сорокин.

Подводников чествовали как героев, а Сергей Георгиевич продолжал размышлять над итогами группового плавания. Печать заслуженно писала о замечательном достижении отечественного кораблестроения, о высоких морально-боевых качествах подводников, но ему важнее всего было добраться до самой глубинной сути — понять, что чувствовали, испытывали люди в таком длительном походе.

В беседе с командиром отряда контр-адмиралом А. И. Сорокиным Сергей Георгиевич спросил:

— Хотел бы я знать, как переносили члены экипажей весь поход?

Контр-адмирал, зная дотошный характер Главнокомандующего, ответил не сразу.

— Несравнимо улучшились условия быта и жизни экипажей подводных лодок — удобные каюты, кондиционированный воздух, хлеб собственной выпечки, свежее мясо, кино. Но все же люди устают не столько физически, сколько морально, психологически. В чем тут дело? Думаю, что морально-психологическая подготовка моряков требует особого внимания.

— А как вы сами чувствовали себя в походе?

— Под конец похода и я почувствовал усталость. Однажды увидел в перископе альбатроса и не мог оторваться. Все хотелось смотреть и смотреть, как он кружит над морем. Ведь, находясь под водой, мы оторваны от всего земного… Хотя земные проблемы зачастую не дают покоя… На земле у каждого осталось немало дел. И ни одно из них не в силах ни поправить, ни изменить в море…

— И что же предпринималось на лодках для морально-психологической разрядки?

— Помогали сплоченность, дружба, боевое братство, которые издавна присущи нашим морякам.

— Все это правильно, но этого недостаточно.

— И другие мероприятия проводились в походе. Скажем, большое оживление в отсеках вызывали голоса родных, кинофильмы, концерты, записанные на пленку…

— А что это за голоса родных? — Главком заинтересованно посмотрел на Сорокина.

— Перед походом комсомольцы обошли семьи моряков, записали на магнитофонную пленку их пожелания, песни, стихи, и, когда мы оказались в открытом океане, крутили эту пленку. Резонанс был огромный. В отсеках звучали голоса родных. Дети читали стихи, кто-то пел песенку про волка, жены передавали привет. Словом, передача вызвала душевный подъем…

К проблеме морально-психологической закалки Сергей Георгиевич возвращался после этого не раз — и на заседаниях Военного совета ВМФ, и на совещаниях руководящего состава флота, и в беседах с ответственными работниками политуправления ВМФ, учеными. Итогом стал интересный и глубокий коллективный научный труд — «Война. Океан. Человек».

8

Рабочий день Главнокомандующего начинался с заслушивания положения дел на флотах, в первую очередь на кораблях, находящихся на дальних меридианах. Ему докладывали названия кораблей, их координаты, ход решения учебно-боевых задач, метеоусловия, наличие запасов.

Заслушивание обстановки — это одна сторона дела. Другая — принятие решений. Возникают различные ситуации, неожиданности, и все надо учесть.

На корабли двигается тайфун. Куда им укрыться?

Экипаж выполнил план подготовки. Какие будут дальнейшие указания? Возвращаться к родным берегам или продолжать плавание в заданном районе?

Вопросов, проблем — много. На одном корабле — на исходе запасы. На другом — больной. Идут запросы. Нужно срочно принимать решение, и решение единственно верное.

Анализируя обстановку на кораблях, бороздящих просторы Мирового океана, Главнокомандующему подчас казалось, что он,

как когда-то, находится на командирском мостике корабля и заслушивает доклады с боевых постов. Только другие масштабы, другая ответственность… В такие моменты чувство гордости за отечественный флот, который вышел на просторы Мирового океана, тесно переплеталось с ощущением величайшей заботы за исход дальних походов, за освоение новой техники, новых районов плаваний, длительное пребывание подводных лодок и надводных кораблей на большом удалении от своих баз и берегов, за состояние людей.

За многолетнюю службу на высоком посту Сергей Георгиевич привык к жесткому режиму, подниматься среди ночи и, заслышав телефонный звонок, принимать любой доклад, формулировать решение. Он схватывал явление, событие в его связях с другими явлениями, знал силу своего приказа и, может быть, поэтому никогда не спешил, не торопился.

Ответственные офицеры Главного штаба, командующие флотами, командиры крупных соединений единодушно отмечают интуицию С. Г. Горшкова. В его флотоводческой деятельности она занимала особое место и опиралась на богатый жизненный опыт, глубокие знания, природный ум. Организуя маневры, учения, провожая отряды кораблей в поход, утверждая планы каких-то мероприятий, Главком при этом нередко обращал внимание на какие-то детали. Иногда это замечание кому-то казалось второстепенным, не заслуживающим внимания, но неожиданно на маневрах, учениях, в походе вдруг происходило то, о чем предупреждал Адмирал Флота Советского Союза.

Но чему предпочтение — интуиции или научному анализу? Всякий раз, когда требовалось принять ответственное решение, Сергей Георгиевич обращался к точным наукам. Любовь к математике, точным наукам осталась в нем навсегда и нередко выручает его. Часто, выслушав доклад, он спрашивал офицера штаба:

— А каково ваше решение?

Приблизительных ответов, волевых решений Горшков не принимал.

— Трудно охватить все вопросы, которые приходилось решать Главкому Военно-Морского Флота, — отмечает адмирал флота Н. Д. Сергеев. — Много внимания он уделял центральному аппарату, в частности Главному штабу — основному органу управления силами флота, всему сложному комплексу флотского организма, включающему такие рода флота, как морская авиация, береговые ракетно-артиллерийские войска, морская пехота, а также учебным заведениям, Военно-морской академии. А сколько сил, энергии отдано модернизации и ремонту кораблей, капитальному

строительству, быту и здоровью личного состава…

К решению всех этих вопросов Сергей Георгиевич подходил с одинаковой мерой высокой ответственности, часто обсуждал их с членом Военного совета — начальником политуправления ВМФ адмиралом П. Н. Медведевым, со своими заместителями — адмиралом флота Н. И. Смирновым, адмиралом флота В. Н. Чернавиным, адмиралом Г. А. Бондаренко, адмиралом П. Г. Кетовым, другими непосредственными помощниками, офицерами Главного штаба и политуправления.

Дальние походы всегда занимали большую часть служебного времени Главкома. При этом особое внимание обращалось на их четкое планирование, ясную постановку задач, тщательную подготовку экипажей. Все должно быть поставлено на службу тому экипажу, который отправляется в океанское плавание: и доставка зипов — запасных инструментов и принадлежностей, и получение запасов, и снабжение. Стоит что-либо не получить, чем-либо не запастись — и океан может сурово отомстить за это.

Новое время, новые люди, новые свершения. Атомный флот нуждался в подлинных мастерах своего дела, искусных мореплавателях и специалистах военного дела. И такими кораблями и моряками флот располагал.

Каждый дальний поход открывал новую страницу в истории флота, в испытаниях современных кораблей, их эксплуатации. В дальние плавания все чаще отправлялись надводные корабли послевоенной постройки. Они существенно отличались от тех, которые были построены в годы второй мировой войны и вскоре после ее окончания. Современные средства борьбы придали им совершенно новые качества. Противолодочные надводные корабли — океанские и прибрежного действия. Противолодочные крейсера, имеющие на вооружении вертолеты и самолеты, — наиболее мощные силы. Быстроходные ракетные корабли и катера — гордость отечественного кораблестроения. Достижения флота — и десантно-высадочные средства, различные противоминные корабли.

С присущей ему энергией и настойчивостью Сергей Георгиевич Горшков пестовал каждый корабль, ломая все преграды на пути к повышению их боевых качеств и вместе с тем — улучшению бытовых условий экипажей.

Корабли отражают дух времени. В последние годы Главком много внимания уделял авианесущим кораблям, в названиях которых запечатлены города, столицы союзных республик: Москва, Ленинград, Киев, Минск, Новороссийск. Это — новое поколение кораблей, разместивших на своих палубах авиацию. Их появление было встречено за рубежом воем антисоветской

пропаганды, и в то же время сквозь этот шум раздавались трезвые голоса о том, что советские противолодочные корабли — это оригинальное русское отечественное открытие, ничем не похожее на авианосцы западных стран. Они воплощают достижения советского кораблестроения.

Освоение современных кораблей, комплектование, организация и подготовка БЧ-VI — авиационного подразделения корабля — чрезвычайно сложное дело. С. Г. Горшков в пору строительства авианесущих кораблей часто принимал командующего авиацией ВМФ Героя Советского Союза генерал-полковника А. А. Мироненко. Вместе решали они вопросы отбора и подготовки авиаторов на корабли. Самые опытные, грамотные и мужественные шли в корабельную авиацию. Во время обучения ставилась цель преодолеть боязнь полета над океаном, посадки на качающуюся палубу.

Для корабельных авиаторов почти все было новым на корабле — все они пришли с сухопутных аэродромов. Корабль, палуба, океан были для них необычными. Слова и те непривычны: заведование, аврал, комингс…

Обсуждая с командующим авиацией ВМФ принцип отбора кандидатов в корабельные авиаторы, Главком однажды заметил:

— Нужно отбирать самых смелых. Только человек беззаветной храбрости может поднять самолет с ходящей ходуном палубы и, не надеясь ни на какие запасные аэродромы, уйти в синюю даль океана, вступить в бой, победить, а потом, отыскав свой корабль, опустить свою крылатую машину точно в круг посадочной площадки…

9

Океанская служба советских военных моряков характеризуется большим пространственным размахом, резким изменением обстановки на морях. Значительно возрос поток информации о состоянии и действиях своих сил, природной среды, в которой плавают наши корабли. В связи с этим необходим учет множества основных и сопутствующих факторов, которые раньше учитывались лишь частично либо не учитывались вообще. Старые традиционные формы и методы управления, которые применялись в недавнем прошлом, в большинстве случаев уже не соответствуют постоянно повышающимся требованиям к использованию сил, не обеспечивают оперативности и надежности управления. На смену элементарным расчетам, основанным на личном опыте

командира, приходят новые методы работы, взятые из арсенала точных наук.

На одном из совещаний руководящего состава Главком поставил перед командирами и штабами задачу: в полной мере использовать современную технику управления. Быстрое и качественное освоение новых технических средств управления, расширение оперативно-тактического кругозора командиров и штабов — веление времени. И один из главных способов отработки этих необходимых качеств советских моряков — повседневная боевая учеба, проведение учений различных масштабов.

За почти тридцатилетний срок командования Военно-Морским Флотом Адмирал Флота Советского Союза С. Г. Горшков выработал свой подход к событиям, фактам, людям и к боевой учебе в первую очередь. Какие бы ему ни приходилось рассматривать вопросы, в центре его внимания всегда люди, их боеготовность, эффективность всей боевой и политической подготовки, воинского и политического воспитания, укрепление дисциплины, уставного порядка, работа политорганов, партийных и комсомольских организаций. Ибо как бы ни были совершенны корабли, техника, оружие, системы управления, все же результат выполнения учебно-боевых задач, учений, походов определяют люди. И поэтому при постановке задач, проверке состояния боевой готовности кораблей и частей Главком непременно интересовался жизнью, бытом, настроением моряков. Прилетая на флот, он, как правило, встречался с личным составом, вникал в их нужды и запросы. Несмотря на свое высокое положение, он обладал искусством сближения с матросами, умел вызвать непринужденный разговор.

Однажды Главнокомандующий прибыл в сопровождении адмиралов на корабль, возвратившийся из дальнего похода.

Выслушав рапорт, Главком обошел корабль, а потом поднялся на боевой пост. Вахтенный доложил, как положено, и замер, пораженный присутствием нескольких высоких командиров.

Главком сразу разрядил обстановку:

— Ну как, тяжело было в походе? Уловив добродушный тон, матрос осмелел:

— Да всякое было. Все трудности легко перенести, вот только тоску по родной стороне трудно пережить.

— Ну а что бы надо сделать, чтобы смягчить эту тоску?

— Да хоть почаще почту доставлять, больше фильмов о Родине показывать.

Главком обернулся к командиру корабля:

— Сколько раз в походе получали почту, достаточен ли был

выбор фильмов?

Командир ответил.

Вернувшись в Москву, Главком потребовал от Главного штаба, политуправления ВМФ упорядочить доставку почты, обеспечить корабли, уходящие в поход, кинофильмами, художественной литературой, музыкальными инструментами.

Дальние походы никогда не были легкими. Морская стихия проверяет моряков на стойкость и выносливость. В длительном плавании моряки сплошь и рядом совершают поступки, равные подвигам. С. Г. Горшков умел рассмотреть в обыденных делах моряков, несущих вахту в океане, проявление самоотверженности, сознательности и стремился поставить их в пример всему личному составу флота.

Читая однажды донесение о мужественном поступке секретаря партийной организации подводной лодки капитан-лейтенанта-инженера Б. А. Полякова, Главнокомандующий выразил удивление тем, что этот факт затерялся в отчетах.

— Ведь это настоящий подвиг, равносильный подвигу в годы войны.

Факт был действительно из ряда вон выходящий. В исключительной ситуации Б. А. Поляков принял командование одним из отсеков и более 20 суток в условиях полной изоляции, низких температур и шторма поддерживал подводников, настраивал их на борьбу за живучесть корабля.

Главнокомандующий приказал оформить документы на награждение отважного моряка. Вскоре капитан-лейтенант-инженер Б. А. Поляков был удостоен ордена Красного Знамени.

Каждый раз, анализируя походы, результаты учений, Главком с удовлетворением констатировал, какой мощной движущей силой в развитии флота является практика океанских плаваний и боевая учеба. Они во многом определяли и строительство современных кораблей, и создание отдельных устройств, организацию учебы, составление наставлений, руководств, инструкций, были основой для решения принципиальных вопросов военно-морского искусства.

Одной из важных забот Главкома было укрепление содружества флотов стран Варшавского Договора. Сергей Георгиевич постоянно поддерживал личные контакты с командующими флотами, быстро откликался на нужды и запросы дружественных флотов.

Особое значение имеют совместные учения, в ходе которых отрабатывается взаимодействие между кораблями, решаются различные практические задачи.

Памятно Горшкову командно-штабное учение флотов

«Север», состоявшееся в середине 1968 года. Это были учения трех дружественных флотов. Они развернулись на большом пространстве — в северной части Атлантического океана, Балтийском, Норвежском и Баренцевом морях. Руководил учением С. Г. Горшков. Его заместителями были командующий Военно-Морским Флотом ГДР вице-адмирал Вилли Эмм, командующий Военно-Морским Флотом ПНР вице-адмирал Здислав Студзинский.

В штабе руководства учением царила атмосфера доброжелательности. Главком ВМФ СССР посвящал своих заместителей в планы, решения, замыслы, заботился о том, чтобы они чувствовали себя как дома.

Немецкие и польские моряки сразу ощутили радушие советских моряков. На пресс-конференции вице-адмирал В. Эмм подчеркнул:

— На этом учении встречаются старые друзья, которые лично знают друг друга. Эта дружба развивалась и крепла с годами. Между нами существует полное взаимопонимание. Мы готовы к совместной защите наших государств.

Вице-адмирал Здислав Студзинский отметил:

— Ничто так не укрепляет дружбу, как взаимодействие на море, в ходе которого моряки вместе работают, постоянно общаются, видят силу и мощь своего оружия.

Адмирал Флота Советского Союза С. Г. Горшков, пользуясь правами руководителя учения, старался обогатить своих заместителей опытом организации и руководства крупными учениями, достигал единого мнения по вопросам использования сил.

Когда учение вступило в решающую фазу, руководство вышло в море, в район учебных действий на Краснознаменном крейсере «Киров» — прославленном ветеране Великой Отечественной.

Обстановка переднего края явственно ощущалась на крейсере. На корабле то и дело звучали сигналы боевой тревоги. В воздухе проносились реактивные самолеты. На горизонте возникали едва различимые силуэты торпедных катеров. В бинокль просматривались развевающиеся на ветру флаги трех флотов.

Учение завершилось высадкой десанта. Наблюдая за подходом десантных кораблей к берегу, за действиями бронетранспортеров и плавающих танков, Главком невольно вспомнил десантные операции времен войны. Нельзя забывать ее уроки.

Успешно завершился учебный бой.

Смолкли залпы орудий, шум реактивных самолетов. И когда

орудия были приведены в исходное положение и крейсер взял курс в базу, Сергею Георгиевичу доложили о желании личного состава корабля встретиться с руководителями учения.

На верхней палубе, еле вместившей всех желающих, собрались матросы, старшины и офицеры.

У раскладного стола, покрытого сукном, сели Главком и его заместители — польский и немецкий адмиралы. Простотой своего обращения Сергей Георгиевич создавал непринужденную обстановку.

Он открыл встречу, рассказал о прочных связях дружественных флотов, об успешных действиях флотов на учении «Север».

Не мог Сергей Георгиевич не вспомнить Отечественную войну — выходы крейсеров на позиции, высадку десантов. Его рассказ внимательно слушали притихшие матросы и офицеры.

Затем Главком предоставил слово вице-адмиралу Вилли Эмму, потом — вице-адмиралу Здиславу Студзинскому. В заключение снова выступил С. Г. Горшков. Он выразил удовлетворение ходом учения и подчеркнул, что его исход определен действиями моряков на каждом боевом посту, на каждом корабле трех флотов, высокой выучкой всех участников учения — от матросов до адмиралов.

Учение «Север» — одно из многих, проведенных в последние годы. Были и другие крупные учения — «Братство по оружию», «Одра — Ныса», «Щит-72» и др. Они ярко продемонстрировали политическое и военное единство армий и флотов социалистических стран.

На Черном и Балтийском морях проводятся совместные оперативно-тактические учения под руководством командующих союзными флотами. Военно-морские силы стран Варшавского Договора постоянно укрепляют свою боевую готовность, и Главнокомандующий Военно-Морским Флотом СССР уделял этому особое внимание.

За многие годы командования Сергею Георгиевичу Горшкову довелось руководить десятками учений. Все они имели свои особенности, все были в какой-то степени экзаменом, но маневры «Океан» выделяются особо и по своим масштабам, и по районам действий, поставленным задачам, привлекаемым силам. Они превзошли все ранее проводимые учения. Впервые в истории страны все флоты СССР — Краснознаменные Северный, Тихоокеанский, Черноморский и дважды Краснознаменный Балтийский — длительное время действовали по единому замыслу на громадных пространствах Атлантики, Тихого океана и прилегающих к ним морях — Баренцевом, Норвежском, Северном,

Охотском, Японском, Филиппинском, а также на Средиземном, Черном и Балтийском. На маневрах действовали атомные подводные лодки, надводные корабли, морская ракетоносная и противолодочная авиация и морская пехота. На некоторых направлениях атомные подводные лодки составили основу группировок сил, решавших главные задачи. Флотам были поставлены задачи, имевшие важное значение для дальнейшего повышения боевой готовности флота.

И хотя Главнокомандующий был уверен в том, что личный состав справится со сложными задачами, чувство некоторого волнения не покидало его. Маневры должны были стать своего рода отчетом моряков о боевой выучке, готовности к защите государственных интересов Отчизны.

Апрельским утром 1970 года Главком вылетел в штаб руководства учением. С подмосковного аэродрома лайнер взял курс на север.

Сергей Георгиевич глядел в иллюминатор: самолет пролетал над гаванями Северного флота. Былого оживления на причалах не наблюдалось. Подводные лодки, надводные корабли покинули базы и, выйдя в открытое море, рассредоточились, заняв указанные позиции.

В штабе руководитель учения заслушал обстановку. На карте, разложенной на большом столе, были нанесены условные обозначения сторон: стрелы ударов. Военные доклады лаконичны. Назывались координаты сил флота, направления ударов, а в сознании Главкома возникала картина морских сражений. В далеких морях бесшумно скользили атомные подводные лодки, вспарывали волну надводные корабли. На аэродромах застыли, словно птицы, самолеты. К десантным кораблям подтянулись подразделения морской пехоты… Все впечатляет — грозное оружие кораблей и самолетов, совершенные средства управления, система обеспечения сил. Но даже здесь, вдали от мест непосредственных «боевых» действий, Главком ощущал атмосферу предельного напряжения и высокой ответственности людей. Главком отвел взгляд от карты и глуховатым голосом задал ряд вопросов о силах, о времени их рассредоточения, о командирах отдельных кораблей, о метеоусловиях в различных районах. Адмирал Флота Советского Союза выслушал четкие ответы и представил корабли, плывущие в далеких морях, людей, несущих вахту на боевых постах, и — штормовой ветер, огромную волну, сильную качку в Атлантике, Тихом океане. Погода явно не баловала моряков. Ну что ж, условия боевые…

Настало время активных действий. На всех флотах развернулись морские сражения. На пространствах Атлантики

противостояли друг другу группировки «северных» и «южных». В их составе действовали корабли «Гремящий», «Образцовый», «Ленинград», «Мурманск», «Октябрьская революция», «Дзержинский»… На Тихом океане в отдалении от берегов наносили удары «Александр Суворов», «Упорный», «Дальневосточный комсомолец», «Стерегущий». На румбах Средиземного вошли в соприкосновение с «противником» «Москва», «Михаил Кутузов», «Комсомолец Украины», «Красный Кавказ»…

Несколько дней длились маневры. С направляющих ракетных крейсеров и противолодочных кораблей срывались ракеты и неслись к цели. Словно прибой, выбрасывались на берег подразделения морских пехотинцев.

Находясь на главном командном пункте, руководитель учения был, как всегда, спокоен, уравновешен, выдержан. Принимая решения, он избегал упрощенчества, облегченных вариантов действий.

На рассвете из Атлантики с борта крейсера доложили об усилении шторма. В тоне доклада Главком уловил невысказанный вопрос: продолжать ли выполнение задачи?.. Сергей Георгиевич чуть нахмурился:

— Хорошо обученным, закаленным экипажам такой шторм не помеха. Во время войны приходилось действовать не в такой шторм, — и твердо приказал: — Пусть продолжают выполнять задачу.

И снова, словно наяву, — штормовые желто-серые волны Азовского, треплющие беззащитные суденышки…

Руководить маневрами — значит вникать и в подготовку к действиям, и в замыслы сторон, и в расстановку сил, и в ход действий. Кораблям и самолетам приходилось в тяжелых метеоусловиях использовать оружие, высаживать десанты, передавать грузы, заправляться топливом. И несмотря на то что флоты выполняли свои задачи в разных полушариях планеты, все силы действовали согласованно по месту и времени, в соответствии с общим замыслом.

Анализируя расчеты командиров, начальников, Главком обращал особое внимание на то, как они учитывают противостоящие — не мифические, а реальные — силы противника, данные оружия, особенности тактики и характер подготовки личного состава.

Маневры «Океан» завершились успешно. Они обогатили опыт использования сил, повысили боевую готовность флота, дали богатейший материал для обобщения. Они позволяли сделать научно обоснованные выводы о том, что главные силы флота —

ракетные подводные лодки — важнейшая составная часть флота — внесли существенные уточнения в содержание таких категорий, как вооруженная борьба на море, боевая готовность, удар, бой, маневр, массирование сил и средств, взаимодействие, внезапность, стремительность, темп боевых действий.

Маневры «Океан» двигали вперед практику руководства силами, военно-морское искусство, опыт боевой учебы. Их итоги обсуждались на разных уровнях. Они показали возросшую морскую и летную выучку экипажей, мастерство командиров и в конечном итоге продемонстрировали главное: Советская страна имеет могучий океанский ракетно-ядерный, подводно-авиационный флот.

10

С выходом советского флота на океанские просторы стали поступать приглашения нашим морякам посетить разные страны. Государственные деятели, местное население дружественных государств хотели познакомиться с представителями нашей страны. И вполне понятно, что новые советские корабли вызывали огромный общий интерес, в особенности специалистов.

Как-то в начальный период визитов, утверждая план посещений нашими кораблями других стран, Главком заметил:

— Это отрадно, что многие государства приглашают нас с визитами дружбы. Можно ожидать, что число визитов будет расти из года в год. А для этого нам нужно отработать стройную систему нанесения визитов — их подготовки, ритуал встречи, программы…

В телеграммах, отправленных на флоты, Главком неоднократно подчеркивал государственное значение каждого визита, указывал на необходимость тщательной подготовки к нему, на важность внимания к тем экипажам, которые отправлялись за границу.

Сергей Георгиевич хорошо помнил начало истории дружественных визитов советских кораблей. Еще в начале 20-х годов, когда он был курсантом, наши корабли под советским флагом впервые посетили скандинавские страны. То была сенсация. Буржуазные газеты из номера в номер помещали клеветнические материалы о нашей стране, распространяли всевозможные небылицы. Но вся абсурдность этой писанины стала очевидной, как только первые советские моряки сошли на берег. Гетеборгские газеты писали: «Как бы там ни было, факт остается фактом: русские завоевали симпатии всех жителей

города. Завоевание происходит не силой оружия, хотя его достаточно на этом крейсере. Матросы завоевывают Гетеборг своим поведением, матросы покоряют, а гетеборгцы капитулируют перед порядочностью моряков».

В 1969 году отряд кораблей под командованием контр-адмирала С. С. Соколана готовился в дальнее плавание по Атлантике с одновременным заходом на Кубу. Главнокомандующий отложил все дела и вместе с членом Военного совета — начальником политуправления ВМФ адмиралом В. М. Гришановым вылетел на флот. Сергей Георгиевич и Василий Максимович осмотрели корабли, побеседовали с личным составом, поинтересовались, знают ли моряки о жизни, обычаях, традициях Кубы. Беседа порадовала адмиралов.

Перед съемкой со швартовов пирс заполнили моряки. Царила атмосфера приподнятости.

На трибуну поднялся Главнокомандующий и сопровождавшие его лица. На пирсе все смолкло. Молодые матросы, отправлявшиеся в дальний поход, испытывали особые чувства. Это чувство передалось и адмиралу. Окинув взглядом строгий квадрат моряков, голубое море воротничков, белое поле бескозырок и изумрудную гладь бухты, отливающие матовой краской корабли, Главком заговорил о высокой миссии моряков, которым выпала честь посетить первую страну социализма на Американском континенте.

— Высоко несите честь советского моряка. С первого визита «Авроры» и «Комсомольца» наши моряки всегда восхищали жителей других стран образцовым поведением и культурой. В этой преемственности, где сливаются воедино наше вчера, сегодня и завтра, все самое ценное и святое. Именно потому традиции не умирают, а живут. Будьте достойными наследниками этих славных традиций.

От одного визита к другому ширилась правда о советском флоте, о родине Великого Октября, о советском образе жизни. Наши моряки достойно представляли свою страну, и поэтому их нередко называли полпредами Страны Советов. Мировая пресса, радио, телевидение не могли скрыть своего восхищения от встреч с советскими моряками. Узнав о прибытии наших кораблей, тысячи местных жителей спешили на причал. Они зачарованно смотрели на четкую швартовку, на ровный опрятный строй матросов, выстроившихся на верхней палубе. Но настоящим открытием русского характера были встречи, беседы с нашими моряками.

В 1970 году после маневров «Океан» крейсер «Октябрьская

революция» и большой противолодочный корабль «Образцовый» под флагом командующего дважды Краснознаменным Балтийским флотом адмирала В. В. Михайлина посетили французский порт Шербур. На второй день с утра жители города устремились к причалу, где ошвартовались советские корабли. Газеты писали тогда, что город пережил автомобильную горячку. Жители ехали на причал целыми семьями.

Визит дружбы продолжался шесть дней — с 8 по 13 мая. Шесть дней, наполненных встречами и приемами, беседами на разных уровнях и в разной обстановке. Визит советских моряков привлек огромное внимание. Около 25 тысяч французов посетило наши корабли.

Корабли находились еще во Франции, а Главнокомандующий уже ознакомился с отзывами буржуазной прессы о визите наших кораблей. Шербурская газета «Пресс де Ла-Манш» писала 10 мая:

«Тысячи восторженных посетителей штурмовали советские корабли… Вот уже третий день наш город живет под знаком красной звезды. Эта атмосфера, вызванная мирным вторжением моряков советского флота, совсем не похожа на ту, которая сопутствует визиту других иностранных кораблей. Американцы, англичане и немцы выглядят бесцеремонными гостями, и, наоборот, присутствие русских создает в нашем городе особую обстановку. Вступая впервые на землю Шербура, советские моряки начинают пользоваться беспрецедентным успехом. Интерес, который вызывается присутствием советских кораблей, нельзя объяснить только влечением к новому. Этот интерес в большой степени объясняется тем престижем, которым пользуется такая великая страна, как Советский Союз».

Читая донесения, поступавшие ежедневно с кораблей, находившихся с визитом в иностранном государстве, Главком испытывал удовлетворение. Каждый визит производил глубокое впечатление на государственных деятелей, местных жителей.

Вот телеграмма с далекого острова Мартиники. Многие жители города Фор-де-Франс, ознакомившись с ракетным крейсером «Грозный», говорили, что корабль произвел на них очень сильное впечатление, но в не меньшей степени им понравился порядок, который царил на крейсере.

Иностранцы были поражены нашими кораблями, преобразившими советский флот. Современные атомные подводные лодки, ракетные корабли с достоинством несли флаг Страны Советов по морям и океанам.

Иностранные моряки особо тщательно осматривали новейшие корабли и вынуждены были признать, что советский флот — современный флот мира. Ну а что касается порядка, то

ему везде могли позавидовать. Капитан 1-го ранга ВМС США Гарри Алендорфен писал: «Почти каждый раз, когда входишь в гавань и вам бросаются в глаза самые чистые и опрятные корабли, то, даже если они не имеют флага, вы можете с уверенностью сказать, что из десяти кораблей девять будут русскими».

Порядок и чистота на корабле были особой заботой Главкома. Поднимаясь на палубу, он первым делом осматривал корабль, и худо командиру, если где-то обнаружился непорядок. Особенно он не терпел неряшливости во внешнем виде и часто повторял, что чистота на корабле — верный признак морской культуры. Он не уставал напоминать об этом тем, кто уходил в дальние походы, с визитами дружбы.

Из докладов командиров кораблей, вернувшихся из походов в другие государства, Главком сделал заключение: больше всего опасаются за рубежом контактов советских матросов с местным населением. Наши моряки покоряют жителей других стран своим поведением.

Однажды, будучи на корабле, побывавшем с визитом в Греции, Главнокомандующий просмотрел книгу отзывов иностранных посетителей. Она была полна записей греков о нашей стране, о том впечатлении, которое произвели советские моряки на местных жителей.

Записей в книге посетителей было 2650 — два огромных тома. Особо примечательной показалась одна из них:

«Нам очень понравился русский крейсер. Хорошо, что он в надежных руках».

Беседуя с командиром отряда адмиралом Н. И. Ховриным, Главнокомандующий спросил его, помнят ли в Греции о роли русского флота в укреплении самостоятельности Греции.

— Греческие моряки, особенно руководители, не раз вспоминали сражения при Корфу и Навари не, после которых окрепла самостоятельность Эллады, — ответил адмирал Ховрин.

Главнокомандующий знал о поведении советских моряков за рубежом, но все же поинтересовался, какие темы затрагиваются в разговорах с нашими моряками.

— Нашего матроса за рубежом не узнаешь. Преображается на глазах. Становится истинным дипломатом. Обычно ему задают такие вопросы: «Правда ли, что в Советском Союзе можно свободно найти работу?», «Каждый ли может получить бесплатное образование?», «Неужели у вас все национальности живут дружно?» И наши моряки отвечают на такие вопросы обстоятельно, объективно.

Просматривая иностранную прессу, Главком обратил

внимание на то, что зарубежные газеты и журналы, которых никак не заподозришь в симпатиях к советскому строю, не раз подчеркивали, что на фронте идеологической борьбы советские военные моряки выступают бойцами самой передовой линии и одерживают победу за победой.

Добрая слава о советских моряках пришлась не по нутру некоторым буржуазным идеологам, и они начали распространять небылицы о нашем флоте, наших моряках, обвиняя их в агрессивных намерениях. Отвечая на эти нападки, Главком писал:

«За всю историю флота ни один наш корабль не выходил в море с агрессивными целями, никогда не имел намерения нападать на чужие корабли и побережье, вмешиваться во внутренние дела других стран, запугивать их народы мощью своего грозного оружия. Такие действия, ставшие неотъемлемой частью повседневной практики флотов империалистических держав даже в мирное время, в корне чужды нашему флоту».

Но злобствования антисоветчиков не прекращаются. Они всячески стараются убедить общественность других стран в том, что, дескать, для визитов в другие страны на русском флоте отбирают специальных людей, которых специально натаскивают по правилам поведения, которым спешно прививают культуру.

Выступая в печати по этому поводу, Сергей Георгиевич Горшков отмечал:

«В последние годы сотни наших кораблей посетили множество портов различных стран. На берег сходили десятки тысяч советских военных моряков, которых никто специально не отбирал, и везде они — посланцы великой Страны Советов — были желанными гостями. Их встречали как истинных друзей, окружали вниманием и заботой, предоставляя возможности для ознакомления с образом жизни и обычаями народов, с достопримечательностями стран, с их достижениями в борьбе за свободу и независимость. Наши моряки, выступая в качестве полпредов своей страны, наглядно демонстрировали советский образ жизни, достижения нашего народа в области экономики, науки, техники и культуры. Ведь каждый корабль, как и его экипаж, отражает в себе уровень развития той страны, которую он представляет. Советские же корабли обычно вызывают восхищение и своей архитектурой, и своей технической оснащенностью, своей мощью, и конечно же организованностью, собранностью и обученностью их личного состава».

Однажды, беседуя с военно-морской делегацией одной из африканских стран, Главком указал на то, что демонстрация силы флотов ведущих морских капиталистических держав против нашей страны и ее Военно-Морского Флота стала повседневной

практикой. Это и патрулирование атомных подводных лодок в различных районах Мирового океана, и демонстративные действия авианосцев в морях, прилегающих к территории нашей страны, и многочисленные облеты самолетами наших кораблей и судов, и заходы кораблей в Черное, Балтийское, Японское и другие моря.

Руководитель делегации, сухощавый, седой адмирал, улыбаясь, спросил Главкома:

— Скажите, ваш флот тоже используется во внешнеполитической деятельности? Посещения вашими моряками многих стран имеют огромный успех.

— Да, используется. Но цели этого использования коренным образом отличаются от целей империалистических держав. Наши корабли посещают другие страны во имя дружбы между народами других стран.

— Чем объяснить симпатию простых людей многих стран к советским морякам?

Главнокомандующий пожал плечами: вроде легкий и в то же время непростой вопрос.

— Чем объяснить? — в раздумье переспросил он. — Все объясняется воспитанием наших моряков. Они — носители передовой идеологии, марксистско-ленинских воззрений. Для них уважение к народам других стран — это норма поведения.

Будущие историки будут с глубоким интересом изучать вопрос о том огромном влиянии, которое оказывали визиты советских кораблей на население дружественных стран. История не знала такого размаха посещений нашими кораблями других стран. Только в 1975 году советские корабли посетили 82 порта 50 государств. На берег сходили тысячи моряков — матросы, старшины и офицеры. С большим успехом прошли визиты советских кораблей в Италию, Францию, США, Нидерланды, Данию, Швецию и другие страны.

Советские дипломатические работники расценивают эти посещения как огромную помощь советской дипломатии в укреплении авторитета Советского Союза на международной арене.

И очень многое для улучшения практики этих визитов сделал Главнокомандующий ВМФ, опиравшийся на помощь многих, но особо — на помощь адмирала А. И. Сорокина в бытность его членом Военного совета — начальником политуправления ВМФ, а ныне первого заместителя начальника Главного политического управления Советской Армии и Военно-Морского Флота.

Советские моряки покоряли мир не силой оружия, а благородством своей души. История визитов полна фактов мужества и отваги наших матросов.

В одном из портов дружественной нам страны старшина 1-й статьи Виктор Бескровный, увидев на берегу пламя, немедленно бросился его тушить. Пожар удалось быстро ликвидировать, спасти ценное имущество. Экипаж эсминца «Бывалый», выполняя плавание в Средиземном море, принял сигнал бедствия от потерпевшего аварию иностранного корабля и пришел ему на помощь. Члены экипажа сторожевого корабля «Дружный», находясь с визитом в Швеции, спасли иностранный катер от пожара.

Старший лейтенант О. Вишневский в иностранном порту спас ребенка, упавшего за борт.

Сергей Георгиевич верен традициям. Он всегда отмечал тех командиров, которые вопреки трудностям приходили на помощь потерпевшим бедствие, и не помнит ни одного случая, когда бы ему приходилось кого-то предупреждать за равнодушие к попавшим в беду. Узнав о столкновении американской лодки с японским судном и трусливом поведении американских подводников, бросивших на произвол судьбы японских моряков, Главком заметил:

— На них нам нечего равняться. Моряки этих морских держав утратили чувство солидарности. Они сдают позиции и как моряки.

Эта мысль прозвучала в устах адмирала еще раз, когда страшный ураган «Жервеза» обрушился на остров Маврикий. Узнав о трагедии острова, Главком дал указание командиру крейсера «Дмитрий Пожарский», судну «Севан» и танкеру «Полярный», несмотря на дальнее расстояние, прибыть в Порт-Луи — столицу государства Маврикий, оказать помощь местному населению.

Крейсеру и другим судам надо было преодолеть тысячи миль, но наши моряки быстро направились к острову. Чуть раньше наших кораблей туда прибыли французский авианосец «Клемансо» и американский «Энтерпрайз». И тут сразу выяснились цели сторон. Наши моряки прибыли, движимые искренним чувством помочь населению этого острова. Они без раскачки приступили к работам: разбились на бригады, определили объем работы и приступили к делу. За короткое время они восстановили свыше ста километров линий электропередач, 126 километров телефонной связи. Более двух недель советские моряки бок о бок с жителями острова устраняли повреждения: чинили водопровод, очищали завалы на дорогах,

латали кровли жилищ. В связи с массовым травматизмом местных жителей наши моряки отдавали свою кровь раненым.

Жители Маврикия были признательны советским морякам.

«Люди, так далеко живущие от Маврикия, — писала местная газета «Стар», — оказались самыми близкими друзьями». Премьер-министр страны заявил: «Я не нахожу слов, чтобы выразить от себя лично и моего народа восхищение, высокую оценку и благодарность за своевременную помощь».

А какова же судьба «Энтерпрайза» и «Клемансо»? Эти корабли прибыли для того, чтобы продемонстрировать свою силу. И правительство Маврикия предложило авианосцу «Энтерпрайзу» покинуть территориальные воды страны. Двумя днями позже ушел с рейда и французский авианосец «Клемансо».

Советские моряки не раз приходили на помощь народам других стран, пострадавшим от стихийных бедствий, от агрессии империалистических держав. Эти факты известны всему миру.

В 1972 году правительство молодой республики Бангладеш обратилось к нашей стране за помощью: ввести в строй главный порт — Читтагонг, акватория которого была заминирована, а фарватер и гавань загромождены затонувшими судами.

Правительственные органы запросили Главнокомандующего: справится ли флот с такими работами? С. Г. Горшков, подумав, ответил:

— Постараемся.

Руководителем экспедиции был назначен контр-адмирал С. П. Зуенко, в прошлом руководивший подъемом судов и разминированием фарватеров. Беседуя с ним, Главком напомнил:

— Задание ответственное. Климатические условия тяжелые. Позаботьтесь о мерах безопасности, о людях. Запрашивайте все, что потребуется.

В первой же радиограмме командир экспедиции сообщил: экипажи стойко преодолевают неимоверные трудности. Температура воздуха повышается до 45 градусов, влажность почти 100 процентов. Водолазы работают в мутной воде, где ничего не видно. Но наши моряки успешно поднимают суда, тралят фарватер.

Двадцать семь месяцев самоотверженно трудились моряки. В 1974 году сложная операция по расчистке акватории торгового порта Читтагонг успешно завершилась. Был протрален фарватер длиной 30 миль и вся акватория порта. Подняли и отбуксировали 14 затонувших и 3 поврежденных судна водоизмещением от 200 до 18 тысяч тонн.

При встрече Главком спросил командира экспедиции:

— Как чувствовали себя моряки? Контр-адмирал Зуенко

ответил:

— Моряки держались стойко. Местные жители так и не смогли разгадать характер наших матросов: в самую жару они сами прятались в укрытия, а наш матрос смахнет пот и опять за работу…

Труд советских моряков получил высокую оценку. Министр коммуникаций Бангладеш, выступая на митинге, посвященном проводам экспедиции на Родину, сказал:

— Советские моряки в самый критический момент не дали умереть республике с голоду — восстановили ворота жизни.

В 1974 году за помощью обратилось правительство Египта: оно просило осуществить траление Суэцкого залива, чтобы обеспечить безопасность плавания судов.

Перед выходом наших кораблей на боевое задание на противолодочный крейсер «Ленинград» прибыли министр обороны и Главнокомандующий ВМФ. Они побывали на боевых постах, ознакомились с готовностью экипажа выполнить ответственное задание. Министр обороны высоко оценил подготовку экипажа крейсера и авиаторов к ответственному походу.

Профессиональный разговор вел с членами экипажа Главком. Он вспомнил Великую Отечественную, действия на Азовском море, высказал ряд советов по борьбе с минами.

— Не забывайте этот опыт, — обращаясь к командиру корабля, говорил Главком.

Первые донесения с района траления передали всю сложность обстановки. Палящий зной, песчаные бури, сложности морского дна, покрытого коралловыми скалами, отсутствие навигационного оборудования района — все это затрудняло работу наших моряков.

Траление осуществлялось по времени от восхода до захода солнца, а порой круглосуточно, практически в любую погоду. Помня о советах и рекомендациях Главнокомандующего, экипажи кораблей применили новые тактические приемы и способы использования трального оружия.

К трудным условиям траления, как вскоре выяснилось, добавилось чувство тоски по Родине. Унылая незнакомая природа в сочетании с непривычной изнуряющей жарой удручающе действовали на моряков. Оценив все это, Главком командирует в район траления представителей Главного штаба и политуправления ВМФ: Героя Советского Союза контр-адмирала Л. Н. Балякина и контр-адмирала К. Т. Серина. Перед отъездом Главком напутствовал их:

— Подбодрите людей. Передайте им, что мы о них помним. И

пусть они не забывают, что за их действиями следит вся страна.

Обсуждая очередное сообщение из района траления, факты мужества и отваги моряков, Сергей Георгиевич с глубоким удовлетворением сказал:

— А ведь в основном все участники траления — это молодежь, не нюхавшая пороха в войну. И все же она действует не хуже отцов в годы войны.

Вернувшись с района траления, контр-адмирал Л. Н. Балякин доложил о героической работе экипажей.

— Только советский моряк может выдержать такие трудности и нагрузки. Действия наших экипажей — это настоящий подвиг.

Главнокомандующий, выслушав эти сообщения, посоветовал работникам политуправления ВМФ, как лучше раскрыть перед общественностью самоотверженный труд наших моряков. Вскоре в Главном штабе ВМФ состоялась пресс-конференция для журналистов.

Советские моряки с честью выполнили и это задание. Они протралили десятки тысяч квадратных километров морской территории. И когда сегодня по Суэцкому заливу свободно курсируют суда разных стран, нельзя не помнить: в этом заслуга советских моряков.

12

Каждый раз, анализируя итоги учебы кораблей в океане, Главком отмечал огромные масштабы плаваний, не сравнимые ни с каким периодом истории нашей страны. Прослужив на флоте более пятидесяти лет, пройдя сквозь всю Отечественную, хорошо зная историю флота, он ревниво относится к чести и славе Военно-Морского Флота. Его печалит и удручает все, что наносит ущерб славе моряков, и он искренне радуется всему, что прославляет отечественный флот.

Однажды Сергей Георгиевич прочитал перевод статьи «Флот России — новый вызов на морях», опубликованной в американском еженедельнике «Тайм». Автор отмечал, что советский Военно-Морской Флот стал «не только разносторонним и далеко действующим, но и одним из самых новейших и первоклассно оборудованных».

Прочитав эту статью, Главком произнес:

— Что ж, характерное признание. Не согласиться с ним нельзя.

Военно-морская история — страсть, увлечение С. Г. Горшкова. Постоянно обращаясь к ней, он лучше видит сегодняшние проблемы кораблей и частей. В глубокой старине, героических свершениях русских и советских моряков он черпает силы для развития и прославления современного флота.

Особенно часто напоминает он слова П. С. Нахимова: «У моряка нет трудного или легкого пути. Есть один — славный путь».

Посвятив истории флота, традициям моряков немало трудов, Сергей Георгиевич не может без вдохновения, гордости говорить о битвах при Гангуте и Чесме, Корфу и Синопе, героической обороне Севастополя в 1854–1855 годах и обороне Порт-Артура в период русско-японской войны. Он подробно развивает мысль об особом складе характера русского моряка. При этом он ссылается и на высказывания английского историка Ф. Джейна, который в своей книге «Русский флот в прошлом, настоящем и будущем» писал, что и «тысячу лет назад лучшими моряками своего времени были русские».

Давая отповедь буржуазным историкам, С. Г. Горшков доказал, что мореплавание у предков славян было развито много веков назад, что оно носило самобытный характер. На утверждение враждебной пропаганды, что Россия — страна не морская, а континентальная, что Советскому Союзу нет необходимости иметь могущественный Военно-Морской Флот, С. Г. Горшков отвечает: Страна Советов, самая крупная континентальная держава мира, всегда была и остается великой морской державой.

Сергей Георгиевич страстно выступает против попытки принизить качества русского народа-морехода. Талант русских офицеров и адмиралов подтвержден историей и выкристаллизовался в передовые военно-морское искусство и кораблестроительную науку. Славные традиции русской морской школы, давшей Отечеству и миру таких выдающихся флотоводцев, как Спиридов, Ушаков, Сенявин, Лазарев, Нахимов, Макаров, таких замечательных кораблестроителей, как Скляев, Курочкин, Титов, Бубнов, Крылов, сохраняются и приумножаются советскими военными моряками.

Сергей Георгиевич Горшков твердо отстаивает приоритет русских мореплавателей в открытии новых земель, выступает против недооценки русских флотоводцев. Западноевропейские и американские историки с легкой руки американца Мехена продолжают всячески игнорировать флотоводческий талант многих русских адмиралов, в том числе адмирала Ушакова, считая, что он был лишь учеником Нельсона. Однако простое сравнение дат крупнейших сражений, проведенных под руководством двух знаменитых адмиралов, показывает, что главнейшие свои морские победы Ушаков одержал значительно раньше, чем Нельсон.

История подтверждает мужество и храбрость русских моряков. Даже при всей неудаче и поражении 2-й Тихоокеанской

эскадры при Цусиме, Сергей Георгиевич отметил в своей книге «Морская мощь государства» то положительное, что было свойственно этой эскадре: дальний и длительный поход огромного флота, состоявшего из разнотипных и маломореходных судов, не обладавших опытом совместных океанских плаваний. Такого перехода история флотов еще не знала. Совершив беспримерный, почти восьмимесячный переход, русская эскадра не потеряла ни одного корабля. Несмотря на героизм личного состава, русская эскадра потерпела в Цусимском сражении жестокое поражение, но это было поражение самодержавия.

Видения далеких веков часто стоят перед глазами адмирала и питают его творения. Дальние походы атомных подводных лодок, надводных кораблей к тропикам, вокруг земли стали не менее вдохновенными событиями, чем дальние плавания первооткрывателей новых континентов.

История — пламенный факел в руках командиров и политработников, всех воспитателей. В своих трудах и книгах, в десятках брошюр и статей Горшков подчеркивает, что боевые традиции моряков — могучее оружие, выкованное и отточенное в прошлом для настоящего и будущего.

И потому Сергей Георгиевич придавал особое значение строгому соблюдению на флотах традиционных ритуалов. Один из особо торжественных — это воинские почести у мест боевой славы: на Северном флоте — там, где сражался ледокол «Сибиряков» с немецким крейсером «Адмирал Шеер», место последнего боя сторожевого корабля «Туман», на Балтике — в Гданьском заливе, где подводная лодка С-13 под командованием капитана 3-го ранга А. Маринеско отправила на дно фашистский лайнер «Вильгельм Густлов», на Черном море отдают почести героям лидера «Харьков», эсминцев «Беспощадный», «Фрунзе» и др. Уже в последние годы появилось и прочно вошло в жизнь моряков понятие «координаты славы». Это места, где отличились советские корабли в боях с врагом.

Героическое прошлое флота — бесценное достояние, побуждающее молодежь образцово выполнять свой долг. Отдавая должное славе прошлого, С. Г. Горшков считает, что нельзя забывать героические свершения современного ракетно-ядерного, подводно-авиационного океанского флота.

Однажды, обходя военно-морское училище, шагая коридором, где по сторонам были выставлены бюсты старых заслуженных флотоводцев, Главком заметил:

— Это хорошо, что помним бывалых моряков-флотоводцев. Но не пора ли воздавать должное и заслугам советских

флотоводцев, тех, кто создавал советский флот, отстаивал свободу и независимость нашей страны в годы гражданской и Великой Отечественной войн, принимал участие в строительстве современного океанского флота?

Вскоре был определен список советских адмиралов, которым устанавливаются бюсты в училищах, музеях, военных городках.

Главком строго следил за тем, чтобы чтили имена моряков-героев, отдавших жизнь в боях за Советскую Родину, видных военачальников и политических работников. Их имена увековечены в названиях кораблей: «Адмирал Головко" «, «Адмирал Исаков», «Адмирал Зозуля», «Адмирал Фокин», «Иван Рогов», «Владимир Полухин», «Магомед Гаджиев».

В послевоенные годы в Военно-Морском Флоте при поддержке Главкома утвердились новые воинские ритуалы, праздники — такие, как встреча молодого пополнения, вручение книжки «Боевой номер», передача боевого поста, посвящение в подводники, праздник Нептуна.

Посетив крейсер «Александр Суворов», вернувшийся из дальнего похода, Главком поблагодарил экипаж за успешное выполнение задания, за самоотверженный труд. Личный состав с честью оправдал высокое доверие Родины — посетил многие африканские и азиатские порты, побывал в южных и северных широтах Мирового океана, пересек семь морей и два океана. Обходя строй моряков, Главком с улыбкой и одобрением всматривался в их загорелые и обветренные лица, порой останавливался, заметив на форменке матроса знаки воинской доблести, и говорил одобрительно:

— Молодцы, ребята! Прославили честь флота. В послевоенные годы на флоте утвердилась еще одна добрая традиция — передавать по наследству новым кораблям имена их героических предшественников и вместе с именем, как драгоценное наследие, их славные традиции. В годы войны прославилась на Севере подводная лодка К-21 под командованием Героя Советского Союза Н. Лунина. Семнадцать побед было на счету этой лодки, в том числе атака фашистского линкора «Тирпиц». В послевоенные годы К-21 продолжала свою службу, затем была переоборудована в учебно-тренировочную станцию, а теперь стала музеем.

Преемницей флага знаменитой подводной лодки К-21 стала атомная лодка. Бывший ее командир Герой Советского Союза адмирал флота В. Н. Чернавин вспоминает: «С. Г. Горшков, принимая решение о передаче флага К-21 нашему атомоходу, видел, как я предполагаю, глубокий символический смысл в том, чтобы с первых миль под прославленным фронтовиками флагом

наш экипаж обостренно чувствовал свою ответственность перед историей флота, его настоящим и будущим».

Сегодня в боевом строю флота современный гвардейский ракетный крейсер «Варяг», гвардейские противолодочные корабли «Гремящий», «Стерегущий», «Сообразительный», «Красный Кавказ», подводная лодка «Красногвардеец».

На атомном ракетном крейсере «Киров» был поднят Краснознаменный флаг, который многие годы развевался на гафеле героического артиллерийского крейсера «Киров».

Тысячами нитей связан флот с трудящимися страны. С каждым годом все теснее становится содружество кораблей и частей с коллективами предприятий, учреждений, учебных заведений, колхозов и совхозов. Корабли и части поддерживают шефские связи с трудящимися многих республик, краев и областей.

Издавна дружит флот с комсомолом. В канун Дня Военно-Морского Флота ЦК ВЛКСМ принимает передовиков соревнования. Сегодня на флоте нет корабля и части, которые бы не имели прочной дружбы с комсомольскими организациями. Для Сергея Георгиевича понятие «шефство комсомола над флотом» имело конкретное содержание. Оно проявлялось и в содействии морским кружкам, школам в создании материальной базы для учебы, в поощрении комсомольских организаций за умелую подготовку призывников и в расширении шефских связей с комсомолом.

В памятные дни полувекового юбилея шефства комсомола над флотом Главком особенно остро чувствовал себя причастным к юбилею. На его глазах, когда он еще был курсантом, молодежь по зову партии поднимала флот, поступала учиться в военно-морские училища. Вспоминая те далекие годы на Военном совете ВМФ, Сергей Георгиевич отметил заслуги комсомола в становлении и возрождении флота и предложил наградить ЦК ВЛКСМ памятным знаменем Военного совета ВМФ. В торжествах по случаю юбилея шефства Сергей Георгиевич принял самое активное участие. Он выступил с горячей речью на приеме в ЦК ВЛКСМ и вручил первому секретарю ЦК ВЛКСМ памятное знамя Военного совета ВМФ.

При активном участии С. Г. Горшкова шефство комсомола над флотом увековечено в названиях кораблей. На флоте десятки кораблей названы в честь республиканских, краевых и областных комсомольских организаций. С честью носят названия комсомола атомная подводная лодка «Ленинский комсомол», подводные лодки «Ярославский комсомолец»,»Ульяновский комсомолец», десантный корабль «50 лет шефства комсомола»,

противолодочные корабли «Приморский комсомолец», сторожевой корабль «Краснодарский комсомолец» и др.

Многие годы незримыми, но неразрывными нитями связан С. Г. Горшков с народом своей страны. Сергей Георгиевич не мыслит своей деятельности без общения с трудящимися. Его, человека с погонами Адмирала Флота Советского Союза, часто можно увидеть в заводском цехе, на полевом стане, в лаборатории института, в учебном учреждении. И всегда он умел и умеет успешно совмещать свои многотрудные обязанности с активной общественной деятельностью. Четверть века Сергей Георгиевич член ЦК КПСС, делегат многих съездов партии, начиная с XIX съезда КПСС, депутат Верховного Совета СССР семи созывов.

Родина высоко оценила неутомимую, наполненную творчеством, отвагой и настойчивостью деятельность Сергея Георгиевича Горшкова. Он дважды удостоен звания Героя Советского Союза, лауреат Государственной премии. Грудь его украшают шесть орденов Ленина, орден Октябрьской Революции, четыре ордена Красного Знамени, два ордена Ушакова, ордена Кутузова, Красной Звезды, многие медали Советского Союза, ордена и медали других государств.

У Адмирала Флота Советского Союза Сергея Георгиевича Горшкова большая, дружная семья. Надежный помощник в его жизни с лейтенантских лет — жена Зинаида Владимировна, прошедшая с ним длинный и нелегкий жизненный путь. Выросли дети, уже подрастают внуки. Старший из них, Петр, продолжает семейную традицию: он офицер флота.

В редкие дни, свободные от служебных забот, вся большая семья Горшковых собирается в родительской квартире. За обеденным столом ведется неторопливая беседа о служебных заботах, житейских и школьных проблемах, волнующих детей и внуков. И эти беседы в кругу семьи добавляют Адмиралу бодрости и сил для предстоящих дел. Летят годы. Ныне Сергей Георгиевич Горшков — ответственный работник Министерства обороны СССР. И по-прежнему отдает он свои силы укреплению оборонного могущества Отчизны.

Годы не убавили в Адмирале приверженности к морю, плаванию, кораблям. Он никогда не упускает возможности посетить корабль, выйти в море, чтобы лучше осознать проблемы океанской службы.

Поднимаясь по трапу на корабль, Сергей Георгиевич неизменно испытывает волнующее чувство. Точные и красивые слова нашел для определения этого чувства певец морской души Леонид Соболев. Корабль для моряка заключает в себе целый мир. Корабль — его дом, семья, арена боевых подвигов, его

крепость и защита, его сила и его честь. Корабль для моряка — это его Родина-Выход в море на боевом корабле для Сергея Георгиевича — событие. Все его волнует: и ширь морская, и плавность хода корабля, и топот ног по палубе, и четкие действия моряков, и мощь корабля, и ощущение стремительности движения.

Свежо в памяти Адмирала воспоминание об одном из недавних выходов в море на крейсере «Минск». Поднявшись на ходовой мостик, Сергей Георгиевич окинул взглядом огромную, словно футбольное поле, палубу. На ней застыли самолеты. Словно птицы, были они готовы по первой команде взлететь в небо.

Крейсер держал курс в море. На гафеле трепетал флаг — бело-голубое полотнище с красочным Гербом Советского Союза. Адмирал Флота Советского Союза смотрел вперед по курсу корабля. Позади остались берега родной земли — земли, покой которой моряки призваны охранять.

Впереди открывался океан. Океан, разъединяющий земли и соединяющий народы. Океан — поприще открытий, подвигов, путешествий, походов. Океан, с которым связано все живое на планете. Безбрежная ширь, скрывающая в своих недрах величайшие запасы разнообразного промышленного сырья и энергии. Водная поверхность, по которой проходят самые экономичные пути сообщения между странами. Океан — область научных изысканий С. Г. Горшкова: его труды в этой области признаны Академией наук как важные исследования.

Корабль плыл все дальше. Скрылось солнце. Наступили сумерки. На небосклоне зажглись звезды — крупные южные звезды. Когда-то по ним курсант Горшков определял путь корабля. Среди них он нашел и свою звезду: она — в беззаветном служении Родине, партии, народу.